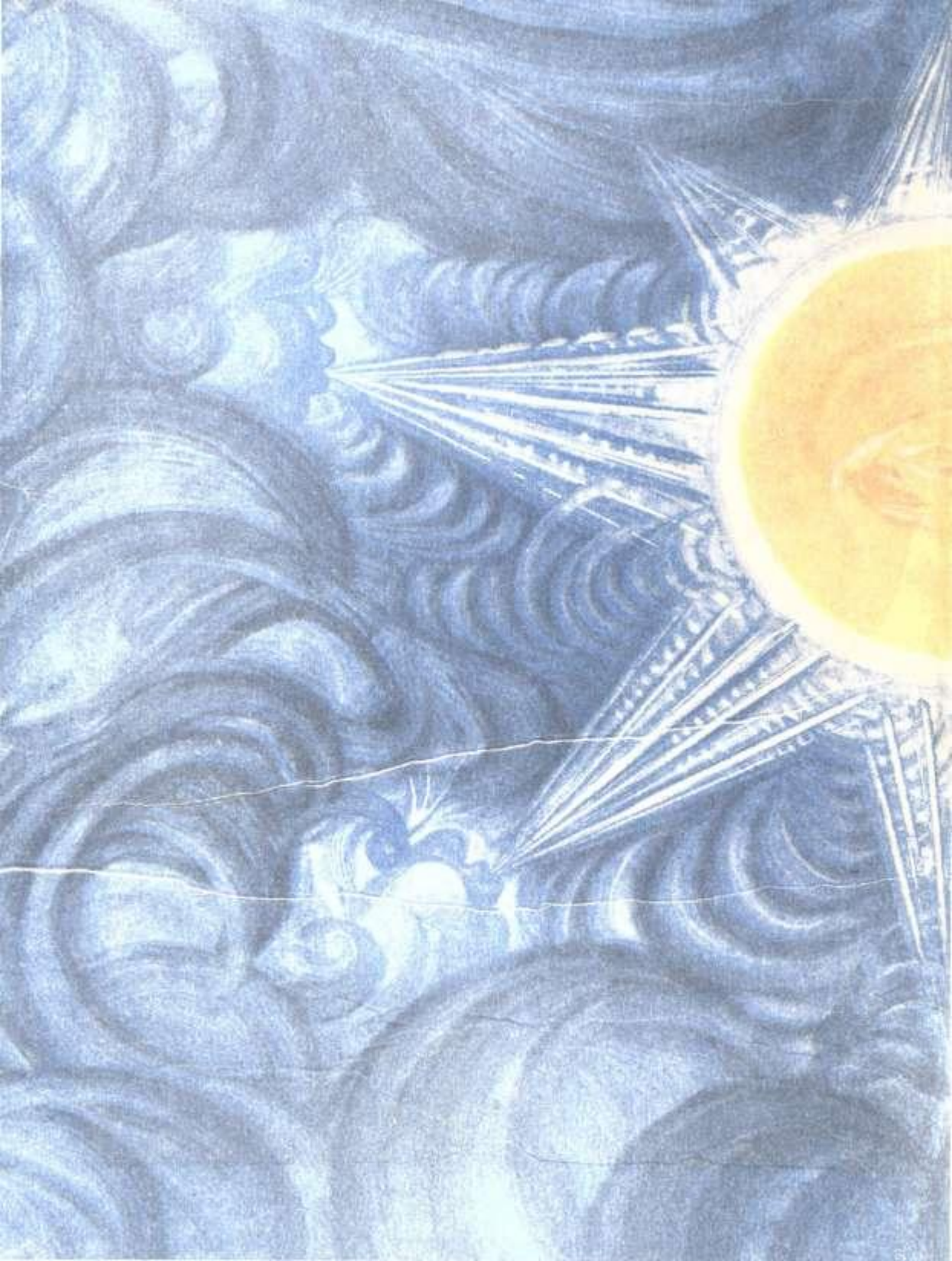
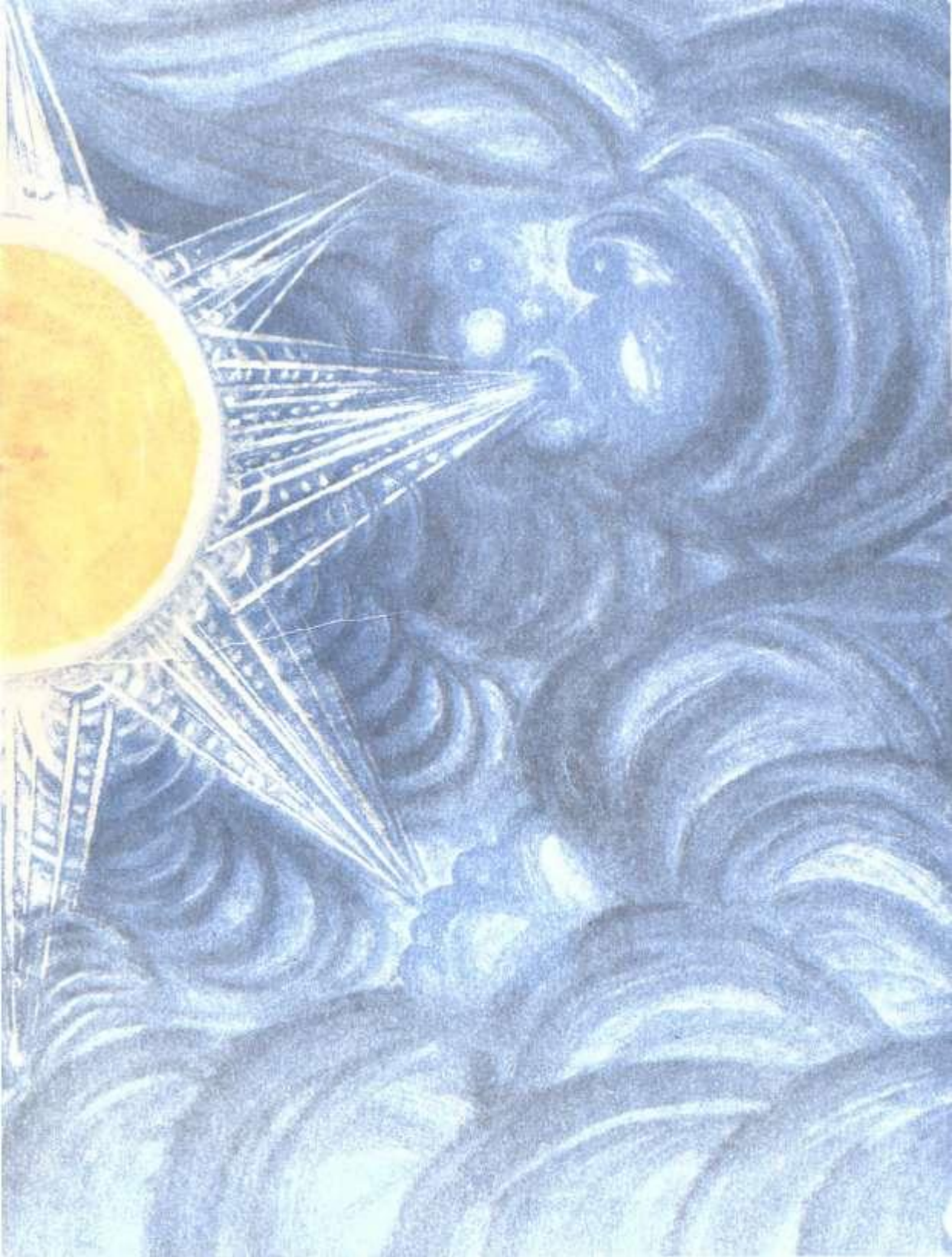

М. ФАДЕЕВА А. СМЕРНОВ

И СОЛНЦЕ СНОВА В НЕБЕ

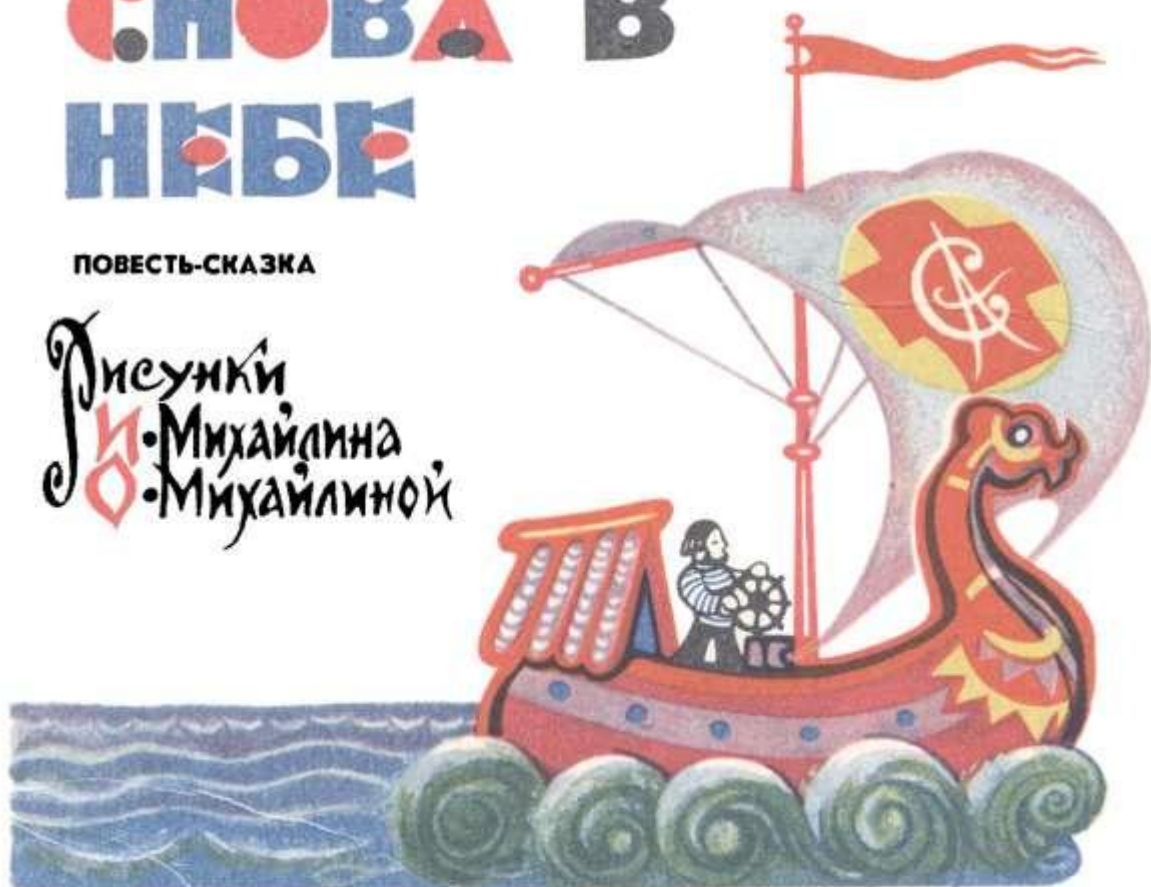

М. ФАДЕЕВА А. СМЕРНОВ

И СОЛНЦЕ СНОВА В НУБЕ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Рисунки
И. Михайлина
О. Михайлиной

ЙОШКАР-ОЛА МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1978

Петрушка... Кто не знает этого отважного героя народного кукольного театра? Веселый забияка, находчивый и озорной, он всегда готов заступиться за слабого, защитить обиженного.

Именно таким и предстает перед юными читателями непоседливый и любознательный Петрушка – главный герой изданных ранее сказочных повестей Маргариты Фадеевой и Анатолия Смирнова «Приключения Петрушки», «Друзья растений», «Волшебная книга». Таков же он в повести-сказке «И солнце снова в небе».

Как подружился Петрушка с огородником Стручком, строителем Катушкой, с юным работником лавочника Кудряшом и другими, как они боролись против богачей за равенство и справедливость, как выдержали нелегкие испытания в сражениях с болотными жителями-болезнями, укравшими солнце, и как им помогала в этом сама природа – Речка, Воздух Сосновый Чистый Здоровый, – рассказывается в этой книге.

Царство Болотной Лихорадки, страны болезней, побеждено. Болота осушены. Солнце снова сияет в небе, и Петрушка возвращается к своему отцу, мастеру Трофиму, на воздушном шаре. Теперь-то он, наверное, никуда не уедет из своей страны, ведь «И солнце снова в небе» – последняя книга о необычайных приключениях Петрушки.

А впрочем, кто знает... Петрушка на то он и Петрушка, чтобы прийти на помощь простым добрым людям в трудную минуту.

В ТРЮМЕ

Я — Петрушка, живая кукла, и сшил меня мастер Трофим, мой отец. Он надеялся, что я сделаюсь его помощником и научусь его ремеслу, но эти надежды так и не сбылись. Не получился из меня ни портной, ни сапожник, ни кузнец, и виной всему — море.

Кукольная страна, в которой я жил, лежала на берегу моря, а дом мастера Трофима, окруженный душистым садом, находился на краю города. Из окна я видел безбрежный морской простор. Может быть, поэтому, а может быть, потому, что я такой непоседа, со мной всегда случались удивительные вещи. Так, однажды, по воле случая, я попал в самую настоящую пустыню. Сыпучие песчаные барханы были похожи на морские волны. Такой песчаный бархан мог очень просто засыпать человека. Я сам чуть не попал под такой бархан, только чудом спасся. Солнце едва не выжгло на моем лице все краски,

а правитель пустыни чуть не превратил меня в раба. Мастер Трофим сумел отыскать меня, и я, невредимый, вернулся в мою родную страну. А в другой раз, когда я катался на лодке, ураганный ветер занес меня на незнакомый остров. Там росли высокие пальмы и расстилались рисовые поля. В джунглях бродили полосатые тигры и картаво кричали разноцветные попугаи. Там тоже я попадал в опасные положения, но благодаря своей смекалке и помощи добрых людей остался жив и благополучно вернулся на родину. Мой отец обрадовался и взял с меня слово, что я теперь никуда не уйду из дома и не оставлю его одного. На радостях я обещал ему это и вовсе не думал, что сдержать обещание будет так трудно, потому что море по-прежнему манило меня своей голубизной и простором, как будто сулило показать новые страны и познакомить с новыми людьми.

Каждое утро, когда солнце с синего неба заглядывало ко мне в окошко, я открывал глаза, вдыхал запахи цветущей резеды, спелых яблок и смотрел в окно на далекий морской горизонт. Нет ли нового корабля, который идет к нам в порт. Так было и в тот день, когда мастер Трофим уехал к Ваньке-Встаньке, чтобы помочь ему строить новый дом.

— Тебе придется пожить здесь одному, — сказал он. — Следи за садом и не уходи далеко от дома.

Проводив отца, я взглянул на море и увидел, что из-за горизонта выглядывают белые крылья парусов. «Интересно, из какой страны идет этот корабль?» — подумал я и побежал на берег. Там собралась толпа. С пригорка из соседней деревни бежали девушки в легких тапочках, в цветастых косынках. В руках они несли корзины, в которых рдела душистая малина, краснела спелая вишня. Женщины в длинных темных платьях тащили бидоны с малосольными огурцами, блюда с только что сваренной картошкой, куски дымящегося мяса. Сюда на берег бежались мальчишки со всего города и, забравшись на тумбы, угадывали, что привезли на этом корабле. Ткацкие станки, мешки с зерном или свежераспиленные доски. Корабль остановился. Опустились огромные паруса, и матро-

сы вместе с капитаном, высоким, широкоплечим человеком, сошли на берег. Они прошли мимо девушек с вишней и малиной, мимо крестьянок с огурцами и картошкой, мимо мастеровых, которые вынесли навстречу дубовые бочки, кожаные сапоги, соломенные шляпы. Матросы с капитаном поднялись на гору, и следом за ними помчались босоногие мальчишки. Матросы остановились у аптеки, а капитан вошел туда. Вскоре он вернулся, и вместе с ним вышел аптекарь. Он был без шляпы, венчик волос вокруг лысины стоял торчком, узенькая борода воинственно выставилась вперед, а очки сползли на нос.

— Берите все. Я вам подводу подам,—торопливо проглатывая слова, говорил он капитану. Подозвал ближайшего мальчишку и послал за лошадью.

Подъехала подвода. На телегу стали грузить ящики с бутылками, картонные коробки с порошками и мазью, пробирки с какой-то прозрачной жидкостью, пучки сушеных трав.

— А полынь вам не надо?—спросил я насмешливо, когда рослый капитан проходил мимо меня.

Он остановился, вынул изо рта дымящуюся трубку и, не глядя на меня, сказал:

— Берем и полынь, и пиявок, и сушеную малину.

Мою насмешку он не заметил, а я все так же насмешливо продолжал:

— Я знаю поляну. Там столько полыни, что можно целый корабль завалить. Надо?

— Надо. — Капитан повернулся и махнул рукой маленькому матросику, которого я сначала даже не заметил. — Иди сюда, Ежик. Пойдешь с этим парнем. Соберете полыни, сколько сможете. И несите на корабль.

Капитан с командой пошли к следующей аптеке, а я с Ежином — на поляну.

— Тебя как зовут?—спросил Ежик и посмотрел на меня узкими глазенками.

— Петрушка, живая кукла,—представился я.

— Правда? — Глаза матросика из узких стали круглыми, а рот приоткрылся. Видно было, что он удивлен и не верит мне, и в то же время боится, и даже жалеет, что

не пошел вместе с капитаном опустошать следующую аптеку.

— Не бойся меня,— успокоил я матросика.— Я такой же, как ты, мальчишка, только сшитый из материи. Не веришь? Вот пощупай.— Я подставил ему плечо. Узкая рука Ежика недоверчиво потрогала мое плечо, потом уже смелее дотронулась до спины, ткнулась в шею и потянулась к глазам-пуговицам. Но я не дал дотронуться до них, шлепнул его ладонью по спине: мол, хватит, пошли за полынью. Ежик пришел в себя, поверил, что я ничего плохого ему не сделаю, и мы побежали на поляну, где я часто с Матрешками играл в братьев-разбойников и бабу-ягу. Полыни, действительно, было много. Даже воздух над этой поляной был горький. Я нагнулся и вырвал первый куст. Ежик тоже взялся за дело. И скоро возле нас выросла огромная пахучая копна.

Ежик рассказал мне, что живет он в большом городе. А недалеко от города раскинулась болотная страна, и поселились там болезни. Они часто проникают в город, и поэтому жители его постоянно болеют. А чтобы лечить их, нужно много всяких лекарств. И еще я узнал от Ежика, что живет он в небольшой избушке вместе с отцом. Его отец — ученый, и зовут его Гусиное Перо.

Мы нарвали две копны полыни и стали переносить ее на корабль. Я один раз взял такую большую охапку, что всем, кто был в порту, показалось, будто полынь сама шагает к ним на корабль, потому что меня не было видно среди сухих серых веток. В трюм, куда мы складывали полынь, матросы все еще грузили ящики, коробки и бутылки. Здесь, на корабле, у меня и мелькнула мысль: обязательно побывать в городе, где живет Ежик, и посмотреть на болотных жителей, которые напускают на людей болезни. Как знать, может, именно мне и удастся помочь бороться с ними.

— Поеду с вами,— объявил я Ежику.

— Нельзя. Капитан не разрешит.

— Без его разрешения обойдусь.— Я раздвинул кучу полыни и спрятался.

Ежик не стал спорить со мной. Он укрыл полынью

мои ноги, синий колпак и поднялся из трюма на палубу. Над моей головой раздавались тяжелые шаги, скрипела якорная цепь. Потом захлопали паруса. Корабль качнулся и вышел в открытое море.

МОРОЖЕНОЕ

Сколько продолжалось наше плавание, не знаю. В горьком полынном трюме все время было темно, и никак нельзя было отличить день от ночи. Ежик приносил мне воду, что-нибудь поесть и рассказывал, как далеко мы уплыли.

Я с нетерпением ждал, когда кончатся надоевшая качка, скрип мачт, хлопанье парусов, когда, наконец, ступлю на новую землю.

И этот день наступил. Корабль остановился. Ежик зашел за мной. Мы взяли по охайке полыни и сошли по трапу на берег. Здесь собралась толпа людей. Я заметил капитана, возле которого стояла молодая круглощекая женщина и держала на руках малыша. Рядом старушка в выцветшем платке что то говорила сутулому матросу с рыжим чубом. Она поднималась на цыпочки, чтобы быть поближе к нему, и все говорила и говорила.

Ежик так же, как я, смотрел на оживленный причал. Видимо, он искал отца, но тот не пришел.

Мы двинулись в город. Неширокие горбатые улицы разбегались от берега и поднимались в гору. Между полосками тротуара лежала мостовая из черного камня. Возле домов кое-где возвышались чахлые деревья, а в палисадниках росли низкие акации. Я вглядывался в дома, поэтому не сразу заметил, как перед нами выросла тележка. Возле нее стояла женщина, закутанная в белый платок, в длинном не по росту плаще. Из-под платка глянуло на нас безбровое лицо с бесцветными глазами и впалыми щеками.

— Берите мороженое! — сиплым голосом предложила она и открыла ящик.

Я полез в карман за монетой, но там ничего не оказалось. Как бы поняв это, женщина добавила:

— Берите, берите. Мальчишкам бесплатно, девочкам за монету.

Я взял две порции и одну подал другу. Ежик развернул пачку, и от нее потянулся морозный дымок. Никогда я не ел столько мороженого. Женщина вежливо покашливала и все предлагала и предлагала, а сама плотнее закрывала рот концом платка и поправляла плащ. Я не отказывался. Ежик тоже не отставал, хотя весь съежился от холода и посинел.

— Точу ножи, ножницы и лопаты! — звонко выкрикнул кто-то. Из-за ближайшего угла появился мужчина. На плечах у него висела точильная машина, а в руках сверкал только что отточенный нож. Вдруг он сбросил с плеч точильный станок и, размахивая ножом, закричал: — Держи ее! Лови!

Я испуганно отскочил от тележки, Ежик тоже метнулся в сторону. А мороженщица оглянулась назад, охнула, захлопнула крышку ящика и, подхватив тележку, ринулась в соседний переулок. «Зарежет ее, — перепугался я. — Неужели плохо — угощать мальчиков мороженым?» Я хотел бежать, чтоб спасти добрую женщину, но точильщик уже сам медленно возвращался обратно. Грудь его тяжело вздымалась, усы отвисли, а шляпа съехала набок.

— Это была Ангина, — запыхавшись, объяснил он. — Я ее в прошлом году видел, да тоже не поймал. Как вы неосторожны, ребята. Теперь заболете. Охо-хо-хо. — Точильщик вздохнул и, нагнувшись, стал поднимать брошенный точильный станок.

— Я не заболею, — гордо сказал я. — Меня никакая болезнь не возьмет. — И тут же оглянулся на Ежика.

Ежик побледнел, опустил голову, и мне стало стыдно, что я навлек на товарища такую беду.

Мы тронулись в путь. Чтобы согреться, Ежик почти бежал.

...Кособокий домик прилепился к горе. Ежик толкнул скрипучую калитку, она отворилась и повисла на од-

ной петле. Мы вошли во двор, и Ежик обеими руками водворил калитку на место. Прямо со двора дверь вела в единственную комнату. Я переступил порог и не понял вначале, куда попал: то ли в мастерскую, то ли на склад. Возле единственного окна расположился верстак, и на нем валялись рубанок, стамески, долота разных размеров и два топора, большой и маленький. У одной стены были сложены чисто оструганные доски, а на них серебрились полоски жести. У другой стены стояла кровать, а перед ней лежала груда гвоздей и железные скобы. Хозяина комнаты я сначала не заметил, только услышал шуршащий звук. Посмотрел вниз и увидел под верстаком пожилого человека в синей рубашке с прорехой на боку. Он ползал по полу, наверное отыскивая упавший винт или гайку, и длинные волосы подметали валявшиеся на полу стружки. Нас он не заметил.

— Папа! — позвал Ежик.

Человек под верстаком поднял голову, и я увидел помятое лицо, красные от бессонницы глаза и морщинистый высокий лоб.

— Приехал, сынок...

Он проворно выбрался из-под верстака и обнял сына. Потом отстранил от себя, как будто хотел рассмотреть получше: не похудел ли он, не побледнел ли, — и оставил на рубашке и брюках мальчика кудрявые стружки и золотую россыпь опилок.

— Как прошло плавание?

— Удачно, отец, очень удачно. Много лекарств привезли.

— Нужны нам лекарства, очень нужны. Много людей у нас болеет, и всех лечить надо.

— За синими морями, за многими островами были, — продолжал Ежик. — Никакой беды не случилось, а сюда, в наш город, только приехали — и сразу несчастье.

— Какое несчастье? Обидел кто... — сразу встревожился Гусиное Перо.

— Да, с Ангиной встретились. Мороженое мы ели. Вот с ним. Я не хотел, но не удержался. Посмотрел на него и тоже съел, — Ежик показал рукой на меня, и

только тут Гусиное Перо тоже поднял на меня усталые глаза.— Это Петрушка, папа,— представил Ежик.— Я с ним вместе приехал.

— Значит, Петрушка... Здравствуй! — И Гусиное Перо оглядел комнату, отыскивая стул, который можно было бы предложить гостю. А предложить было нечего. На одном стуле высокой пирамидкой блестели кружки от консервных банок, тщательно обрезанные и выпрямленные молотком. На другом стояли тесаные доски и кастрюля с клеем.

— Ничего, так сяду,— сказал я и уселся прямо на пол. Ежик выдвинул из-под верстака чурбан, а Гусиное Перо взгромоздился на верстак.

— Тележку-самоходку строю. Тесно. Мастерской нет. Для людей стараюсь, а самому даже рубашку починить некогда.— Он собрал края прорехи и попытался закрыть голый бок.

...Ежик все же заболел, и я вместе с Гусиным Пером ухаживал за ним, поил горячим молоком с содой, ставил горчичники на грудь и клал компрессы на голову, когда поднималась температура.

САНИТАРНАЯ АРМИЯ

Ежик долго болел, и за это время я успел насмотреться, как работает его отец. Целый день в доме слышались стук топора, визг пилы, скрип рубанка и назойливое дребезжание жести. Мы с Ежиком отдыхали от этого шума только тогда, когда Гусиное Перо уходил в аптеку за лекарствами.

Ежик медленно поправлялся. Мы ждали того момента, когда кончится наше домашнее сидение и мы выйдем на улицы города. Как раз сегодня, когда мы говорили об этом, Гусиное Перо пришел домой радостный.

— Ну, ребятки,— он улыбнулся, поставил на стол бутылку с желтой жидкостью.— Кажется, конец болезням придет. В городе санитарная армия создается. Командовать будет Главный Врач. Он уж знает дело.

— Я обязательно запишусь в санитарную армию! —

воскликнул Ежик.

— Запишись, запишись, — разрешил отец. — Глядишь, санитарному делу научишься.

— Я тоже с тобой! — подал я голос.

Через несколько дней Ежик поправился, и мы побежали записываться в санитарную армию.

Больница занимала почти целый квартал. Одноэтажные приземистые здания были соединены друг с другом небольшим крытым коридором, а весь двор ее был обнесен высоким забором.

Мы приникли к щелям и увидели, что посреди двора стояла длинная шеренга людей. На всех красовались белые халаты, на головах торчали белые колпаки. У одного, который стоял близко к забору, халат был коротким, из-под него выглядывал выдавший виды потертый кожаный фартук с ржавыми пятнами.

— Это жестянщик, — объяснил Ежик. — Он живет через дом от нас.

Рядом с жестянщиком возвышался очень рослый человек. Халат его выглядел особенно нелепо над огромными резиновыми бахилами.

— Рыбак, наверное, — догадался я.

— Верно, рыбак, — подтвердил Ежик. — Тоже живет на нашей улице.

Нам надоело рассматривать спины, и мы подошли к забору с другой стороны. Оттуда ясно было видно, как вдоль колонны расхаживает длинный человек. У него худая шея, горбатый нос и блестящее пенсне на носу.

— А это — Главный Врач, — объяснил Ежик.

— Мы станем охранять городские ворота, — слышался голос врача, — сажать деревья вдоль улиц и во дворах, следить за порядком и объяснять всем, что чистота, свежий воздух и солнце — главные враги болезней. Мы будем заниматься гимнастикой по утрам и учить этому тех, кто не состоит в санитарной армии. Каждый будет выполнять свои обязанности два часа в день, в свободное время. — Главный Врач приосанился, повернул голову и скомандовал: — Сми-и-рно! На первый-второй рассчитайсь!

Солдаты санитарной армии попытались выполнить команду, но ничего у них не получилось. Один стал впол-оборота к Главному Врачу, другой оперся на правую ногу, третий чертил что-то на песке носком ботинка. Ближайший к нам солдат вообще присел на корточки.

— Хотя вы и санитары, но все равно солдаты. Вы должны научиться стоять правильно.— Врач приставил одну ногу к другой.— Пятки вместе, носки чуть раздвинуты, руки вытянуты по швам.

Все последовали его примеру.

Мы терпеливо ждали, что же интересного будет дальше. Но ничего особенного не приключилось. Он начал объяснять, какой вред наносят мухи, грызуны, как надо их уничтожать. Мы спросили проходившего паренька в тюбетейке, где записываются в санитары, и он указал на дверь, обитую коричневой кожей. Мы вошли. За столом сидела чопорная старушка и рассматривала линии на своей ладони. Может быть, гадала, сколько лет остается ей прожить.

— Запишите нас в санитарную армию,—поздоровавшись, попросили мы.

— Хорошо,—сразу согласилась сговорчивая старушка.—Только ответьте на несколько вопросов. Как надо чистить зубы?

Мы дружно выпалили:

— Щетку надо двигать сверху вниз и после еды полоскать рот.

— А какие надо соблюдать правила при чтении?

— Нельзя читать лежа и при плохом освещении,—скороговоркой проговорили мы.—Книгу нужно держать на расстоянии тридцати сантиметров от глаз.

— Хватит. Хватит. Идите в следующую комнату,—старушка указала рукой на соседнюю дверь.

Там сидел узколицый мужчина. Глаза его нам показались скучными. Он не стал нас спрашивать ни о чем, только коротко приказал:

— Руки!

Мы непонимающе переглянулись.

— Руки на стол, говорю,—повторил он.

Две пары не особенно чистых рук легли на стекло, покрывавшее стол. Я увидел под ногтем левого мизинца черную полоску и согнул палец, но экзаменатор уже заметил и недовольно хмыкнул. «Не возьмут!» — екнуло мое сердце, и я стал оправдываться:

— Вы не смотрите на мои руки. Я мою их три раза в день, а иногда и больше. Делаю утреннюю зарядку. Я сильный и ловкий. Поглядите, как умею. — Я отошел на середину комнаты и сделал идеальную «ласточку».

Экзаменатор посмотрел, и глаза его потеплели.

— И так могу, — ободренный его молчаливым вниманием не сдавался я, чуть-чуть присел на согнутых ногах и подпрыгнул вверх выше стола.

Узколицый глядел с интересом. Я подпрыгнул еще раз. Мои тряпичные ноги пружинили великолепно. Потом подпрыгнул третий раз, почти под потолок. И чтобы показать, как легко мне это дается, замахал в воздухе руками, а потом я несколько дней с огорчением вспоминал, как задел чернильный прибор, как веером рассыпались фиолетовые брызги и мигом разукрасили лицо экзаменатора, его идеально белый халат и прозрачное стекло на столе. Он провел рукой по забрызганному чернилами лицу и гневно заговорил:

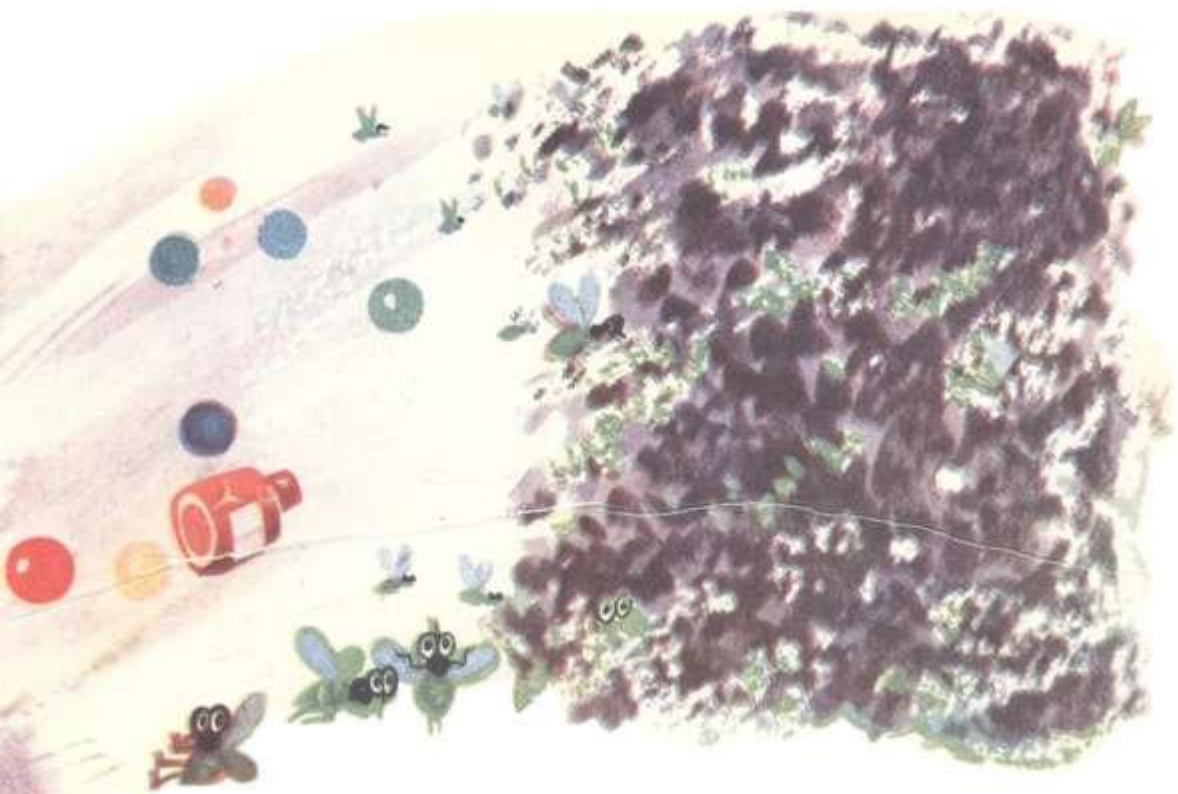
— Вон отсюда! Тем, кто не соблюдает личную гигиену, нет места в санитарной армии. — Он даже открыл нам дверь и подтолкнул в спину.

МУХИ И ПТИЦЫ

Когда мы играли в лапту, вдруг раздался пушечный выстрел у городских ворот.

Мы с Ежиком мигом помчались туда. Вслед за нами увязались мальчишки. За ними — взрослые, но они, конечно, от нас отстали, потому что каждый старался закрыть окна дома, надежнее прикрыть дверь. Ведь неизвестно, что означает этот странный выстрел. Но как мы ни спешили, у городских ворот уже собрался народ. Рядом с нами оказалась женщина, которой мы сдавали экзамен.

ны в санитарную армию. Около нее стоял сапожник. В одной руке у него было шило, в другой — черная от вара дратва. По-видимому, впопыхах он забыл оставить дратву и шило дома и теперь, размахивая ими, объяснял:

— Болотные жители тучи мух на нас напустили, а мухи микробов разносят.

Я взглянул туда, куда смотрели все, чтобы узнать, что это за мухи, которых так испугались жители, и никаких мух, конечно, не увидел. Только далеко-далеко, у самого горизонта, висела черная туча. Она росла и приближалась.

— Гроза сейчас будет. Каких-то мух выдумали. Вот ка-а-ак сейчас сверкнет, ка-а-ак гром загремит.

Ежик не слушал меня. Он смотрел на три пушки, стоявшие у городских ворот. Возле пушек возились санитарные солдаты.

— Уж не лекарствами ли стреляют? — я ткнул его в бок.

И в этот момент опять прогремел выстрел. Рывкнули сразу три пушки.

Я подумал, что стреляют в тучу, чтобы не было в городе дождя, и уже хотел объяснить Ежику — пусть скажет своим жителям, что дождь — это хорошо. После него лучше зеленеет трава, цветут цветы и становится чище воздух. Но дождем тут и не пахло.

— Это не туча, это мухи. В них стреляют лекарствами, — объяснил мне Ежик.

Но эти выстрелы были бесполезными. Они рассеивали тучу, и, странное дело, мухи ускоряли свой полет. Самые быстрые из них уже добрались до города.

— Птицы... — сказал я Ежику. — Нужно птиц выпустить.

Ежик меня не понял. Я схватил его за руку и потащил за собой к зоопарку. Там мы открыли клетки с мухоловками, синицами, ласточками, стрижами и скворцами. Радуюсь свободе, птицы зашумели крыльями и устремились навстречу туче.

— Сейчас они себя покажут! — торжествовал я.

— Конечно, покажут, — поддакнул Ежик, потому что теперь он тоже понял мою затею и удивился, как это ему она не пришла в голову.

— Знаешь, один скворец уничтожает столько насекомых, сколько весит сам, — сказал я.

Птицы, как молнии, носились в туче мух, и мушиное воинство редело. Туча как будто таяла, и остатки ее уносились обратно к болоту.

Чтобы нам было лучше видно, мы забрались на дерево, которое росло во дворе зоопарка, и наблюдали, как наши крылатые посланцы расправляются с мушиными стаями.

Главный Врач подошел к хранителю зоопарка, который стоял возле клетки с лисицами и бросал им куски мяса. Лисицы радостно повизгивали и брали пищу почти из рук служителя. Главный Врач подошел и тронул его за плечо. Тот повернулся.

— Поздравляю вас! Вы герой! Вы спасли город от эпидемии.

— Что? А? — промычал хранитель зоопарка. — Я глухой. — Наклонил к врачу голову и приставил ладони к уху.

— Вы герой, говорю! — Главный Врач наклонился к хранителю зоопарка и почти коснулся носом расставленных ладоней. — Вы выпустили птиц, а птицы уничтожили мух. Спасибо вам от всех горожан.

Мы с Ежиком были потрясены. Как же так? Это мы догадались выпустить птиц, а хранителю зоопарка говорят спасибо да еще считают его героем. Неужели Главный Врач не догадается, а хранитель не скажет, кто это сделал.

— Ах, птицы... — завертел во все стороны головой хранитель зоопарка. — Птиц выпустили мальчишки. Хо-

тел поймать озорников, да не успел. Куда-то исчезли. — Он еще раз посмотрел во все стороны, поднял голову и заметил нас на дереве. — Вот они! — Он указал на нас пальцем. — Слезайте сюда...

— Молодцы! — Доктор, как взрослым, пожал руку сначала мне, а потом Ежику. — Чем наградить вас? Может, купить гармошку или лодку? Говорите.

— Примите нас в санитарную армию, — попросили мы.

— Хорошо, примем, — согласился доктор. — Завтра приходите ко мне. Получите халаты, колпаки и личную аптечку. Нам нужны находчивые солдаты.

НА РОГАХ БЫКА

Так мы с Ежиком стали солдатами санитарной армии. Я подружился со многими из тех, кто работал в нашем отряде. Больше всех мне нравились строитель Катужка и овощевод Стручок. Катужка был высокий, с могучим разворотом плеч. На круглом добродушном лице васильками цвели голубые глаза. Он научил меня, как из двух жердей и одеяла или плаща сделать носилки, как установить палатку или построить временный шалаш. У овощевода Стручка было странное имя, но оно очень подходило ему. Длинное, тонкое туловище, согнутая спина, отвислый нос и маленькие зеленоватые глаза-горошины — напоминали на самом деле стручок гороха. Он научил меня находить в лугах лекарственные растения, есть вкусные стебли дягиля и головки дикого лука.

Каждый день мы два часа работали. Один раз мы стояли у городских ворот и внимательно следили, не выкинут ли болотные жители какую-нибудь каверзу, не нашьют ли на нас полчища грызунов или еще какую-нибудь гадость. Другой раз мы ходили в лес, выкопали много-много маленьких дубков, кленов и посадили аллеи возле больницы. Пусть свежая зелень радует тех, кому приходится лежать на койке.

Потом мы очищали от мусора улицы, разбивали клумбы, и наступил день, когда один из жителей догадался, что можно пригласить санитарный отряд к себе домой и навести там порядок. Первым это сделал мясник Туктук. Я тогда еще не знал его, только слышал, что у него очень богатый дом, что есть большой загон для скота и собственная лавка, где он продает колбасы, окорока и свежее мясо.

Пока мы шли к дому мясника, Катужка объяснял, что живет мясник один и все ищет себе невесту, краше которой на свете нет, да только никак не найдет.

— Тьф-у-у! Для чего живет — неизвестно, — поддерживал товарища Стручок. — Ни жены нет, ни детей, ни близкого друга. Только копит богатство да дрожит за свою ничемную жизнь.

Мясник Туктук встретил нас у ворот своего дома. Его черные волосы вились крупными кольцами и украшали овальный лоб. Над верхней губой красовались тонкие темные усики, широкие брови сходились у переносицы. Лицо его излучало добродушие и приветливость.

— Уберите получше, — говорил он каждому из нас. — Старайтесь. Я хорошо заплачу.

У нас в отряде люди были добросовестные и всегда работали хорошо. Вскоре мы очистили двор от мусора, унесли телегу в сарай, туда же положили лопаты, лом. Посыпали дорожки песком и потом взялись за загон для скота.

Катужка и Стручок выводили коров и телочек. Корова беспокойно мычала и упиралась, а я и Ежик подгоняли их хворостинками. Затем наступила очередь бычков. С ними было труднее. Особенно много пришлось помучиться с большим темно-коричневым быком. Катужка и Стручок взялись за веревку и пытались вывести его из загона. Бык низко наклонил лобастую голову и выставил вперед крутые острые рога. Он не хотел выходить.

— Помогите-ка, ребята.

Мы с Ежиком подтолкнули быка сзади, тот не сдвинулся с места. Тогда мы схватили хворостины и хлестнули его. Бык дернулся, вырвал веревку из рук Стручка и

Катушки, повернулся и ринулся на Ежика. Мой товарищ застыл в испуге. Что было дальше, я не помню — так быстро все это произошло. Катушка потом рассказывал мне, что я бросился прямо на острые рога разъяренного животного. Тот высоко подбросил меня, и я грохнулся на землю. Все ахнули и испуганно столпились вокруг, боясь посмотреть: жив ли... Опомнился я в тот момент, когда увидел над собой низко склонившееся лицо мясника. И первое, что меня поразило, — это его глаза, выпученные и жестокие. Его крепкие пальцы ощупывали мои руки и

грудь, как ощупывает покупатель приведенного для продажи барана.

— Кукла. Живая кукла! — с криком отпрянул мясник от меня.

Мне стало не по себе. Никто, кроме Ежика, не знал, что я живая тряпичная кукла, а теперь эта тайна известна человеку, о котором я слышал много дурного и который распоряжался в городе, почти как у себя дома. Даже Главный Врач подчинялся ему, так как Туктук иногда давал в больницу молока, мяса или сыру.

ИСЧЕЗЛО СОЛНЦЕ

В тот беспокойный день, когда мы возвращались домой после работы во дворе мясника, произошло еще одно событие, которое очень повлияло на судьбу всех жителей города.

День стоял чудесный. Ярко светило солнце. Небо над головой сверкало, как голубой шелковый шатер. Точно белоснежные лебеди, плыли в вышине облака. В лучах яркого солнца сверкала свежая зелень в палисадниках. По улице гулял ласковый ветер.

Настроение у меня было прекрасное. Я радовался яркому солнцу, голубому небу, теплomu летнему ветру и тому, что сегодня спас товарища от беды. На горке золотого песка сидели малыши и возводили замки и дворцы. Собаки лениво грелись у калиток. Женщины развешивали во дворах белье. На пустыре возле одного из домов играли мальчишки.

И вдруг все кругом потемнело. Я поднял голову. Тучи не было, но не было и солнца. Ясная синяя голубизна неба померкла. Над головой как будто нависла серая тяжелая пелена. Сразу потускнели стекла в окнах, поблекла зелень, красные черепичные крыши потемнели.

Солнце исчезло! И это заметили не только люди. Петух, взлетевший на забор и взмахнувший крыльями, чтобы кукарекнуть, так и застыл с раскрытым клювом. Собаки спрятали розовые языки, подняли кверху морды, как будто пытаясь чутьем определить, куда делось яркое светило. Мальчишки тоже задрали головы к небу. Женщины увели с потемневшего песка своих малышей. Те подняли отчаянный рев.

Из всех домов выходили жители, собирались группами, удивлялись, куда же среди белого дня делось солнце. Потом, обеспокоенные, собрались вместе и пошли к Главному Врачу. Он был самым рассудительным человеком в городе, и все хотели спросить у него, что же произошло.

Главный Врач вышел из больницы. Он казался таким же растерянным, как и все остальные.

— Солнце исчезло, — сказал Катушка.

— Пропало, — развел руками Стручок.

— Его болезни унесли, — ответил Главный Врач. — Они боятся свежего воздуха и живительных солнечных лучей.

— А как же теперь быть? — раздалось сразу несколько голосов.

— Вы не волнуйтесь, — успокоил их доктор. — Что-нибудь придумаем. Нельзя же оставаться без солнца.

И успокоенные горожане разошлись. Мы с Ежиком тоже пошли домой. И первое, что мне бросилось в глаза при входе в комнату, была возбужденная, взлохмаченная фигура Гусиного Пера. Он размахивал молотком, который держал в правой руке, и изо всей силы стучал им по дну кадочки, стоявшей перед ним на табуретке.

— Что вы делаете? — воскликнул я. — Болезни солнце украли, а вы кадки бьете!

— Пусть украли. — Гусиное Перо откинул назад волосы, упавшие на лоб, и снова ударил по дну кадочки. — Зато теперь пришло мое время. Я изобрету искусственное солнце и покажу, на что способен.

Снова удар по кадке. Она глухо загудела, а круглое днище выскочило из гнезда и покатилося по полу.

— Ты послушай, Ежик... Разве можно солнце изобрести? — повернулся я к своему приятелю, надеясь, что тот удивлен так же.

Но Ежик даже не повернул ко мне голову. Мальчик с восхищением глядел на отца и поддакивал ему:

— Мой отец будет великий ученый. Он сделает солнце, и жители города будут в песнях славить моего отца.

Мне стало не по себе. Пожилой седой человек размахивает молотком, как глупый мальчишка. Нужно его скорее в больницу, а то он не только бочки переколотит, все окна в доме перебьет.

— Идемте в больницу, — предложил я Гусиному Перу, — пусть вас врач посмотрит.

— Да-а. Врач — влиятельный человек. Он сразу оценит мое изобретение и прикажет создать мне условия для работы. Мне дадут самую лучшую одежду, самую вкусную пищу и светлый большой дом.

НОВАЯ БОЛЕЗНЬ

Мы с Ежиком привели Гусиное Перо в больницу, в кабинет Главного Врача.

Вдоль стен цепочкой сидели и стояли больные. Но больными они мне почему-то не показались. Никто не держался за живот, не кашлял, не видно было шмыгающих носов, но на всех лицах, мне казалось, лежала печать озабоченности.

Когда мы вошли, к столу Главного Врача приблизился Катушка.

— Что болит? — Главный Врач на минуту поднял глаза, поправил пенсне и тут же вернулся к своим бумажкам.

— Ничего не болит. — Катушка переступил с ноги на ногу и растерянно развел руками. — Но что-то происходит со мной странное.

— Не отвлекайся. Говори толком о болезни.

— Я и говорю о болезни. — Катушка прижал руки к груди и зачастил: — Я был хороший строитель. Надо сделать каменную кладку — пожалуйста. А теперь меня как бы подменили. Один кирпич прямо кладу, другой криво, а то и вообще выброшу. Штукатурить начну — одно место стены ровное, другое бугром. Не обращаю внимания, лишь бы скорее закончить. Вроде как-то стыдно такую работу сдавать, а сдаю и даже не краснею. Вы меня послушайте, доктор, может быть, с сердцем что, или голову пощупайте, может быть, там не в порядке. — Он с готовностью нагнул голову, чтобы Главному Врачу было удобно пощупать.

— Не надо. — Главный Врач откинулся на спинку стула и объяснил: — У тебя новая болезнь. Раньше ее здесь не было. Я называл ее темной болезнью, потому что появилась она, как только исчезло солнце. И я думаю, что она пройдет, когда солнце вновь засияет на небе. Можешь идти, — отпустил он Катушку.

— Дайте мне что-нибудь, доктор, — не уходил Катушка.

Главный Врач посмотрел на него и сказал сестре:

— Выпишите ему касторку. Пусть принимает по две ложки утром и вечером.

Я расхохотался. Касторку только от желудка дают. Уж это-то я знаю точно.

А к столу уже подходил Стручок. Он не отличался таким завидным здоровьем, как Катушка. Частенько бывал в больнице и, не дожидаясь приглашения, стал расстегивать рубашку, чтобы врач осмотрел его.

— Не надо. Не раздевайся,— остановил его врач.— Скажи, на что жалуешься.

— Ничего не болит. Ни голова не кружится, ни сердце не замирает, и ноги ходят, и руки здоровы, а работать не могу. Стану землю копать под редиску, в одном месте копну, а в двух местах нетронутой землю оставлю. Возьмусь помидорную рассаду высаживать... Рвану корешок из парника, ткну в грядку и не беспокоюсь, что оборвал, что рассада не приживется. Помогите, доктор!

— И тебе касторка полезна, и у тебя темная болезнь. Пей три ложки по утрам и вечерам.

Я снова расхохотался. Касторка от плохой работы. Оказывается, Главный Врач тоже больной. Лечит для вида. Гусиное Перо и Ежик опять одернули меня, а стоявшие рядом в очереди пригрозили:

— Выведем. Почему смеешься?

Я с трудом сдержался... В памяти у меня невольно всплыл забавный случай. Однажды мне лень было выучить урок. Хотелось скорее идти гулять, и я торопливо, лишь бы отделаться, кое-как списал упражнение и сказал отцу, что задание выполнил. Посмотрел мастер Трофим на мою работу и сказал:

— Недобросовестный человек ты, сынок. Выполнил задание, лишь бы отделаться, лишь бы сказать учителю, что все сделано, чтоб он тебя не ругал. А на самом деле — грош цена твоей работе. Ни ума ты не вложил в нее, ни старания. Формализм — это плохая штука.

— А чем лечиться от этого формализма? — спросил я.

— Прилежанием,— ответил мастер Трофим.— Только прилежанием да старанием...

Следующим к Главному Врачу подошел портной, но

его жалобы не успели услышать. Гусиному Перу надоело стоять в очереди. Он обошел всех стоявших и сидевших вдоль стен, оттолкнул в сторону портного и заявил:

— Мне дорога каждая минута. Я изобрел музыкальную меленку, сделал лодку-самоходку, теперь мастерю солнце, а для работы никаких условий нет. Вы — доктор, вас слушаются. Распорядитесь, чтоб мне дали большой дом, хорошую еду. На сытый желудок хорошо работается и приходят умные мысли.

— Видел твою лодку-самоходку. Слышал про музыкальную меленку, — ответил Главный Врач. — Будет тебе дом. Принесут тебе пищу, а солдаты санитарной армии в твоём распоряжении. Они выполняют все твои поручения.

ПЕЛЬМЕНИ БЕЗ ПЕЛЬМЕНЕЙ

Мясник Туктук дал каждому солдату санитарной армии, убравшему загон и двор, по четыре монеты. Я решил их истратить и пригласил Ежика в харчевню.

На крыльце стоял хозяин ее и пухлыми руками упирался в похожее на бочку туловище, которое держалось на кривых ногах.

— Проходите. Милости прошу, — пригласил он, жестом указывая дорогу.

Мы сели за стол. Я отдал монетку и попросил жареную картошку.

Расторопный повар с сияющей на лице улыбкой принес сковородку.

— Кушай на здоровье. — Он поклонился и поставил на стол сковородку, в которой я увидел только картофельные крошки, несколько поджаренных кусочков лука и жирные пятна.

— А картошка где? — спросил я у повара, но тот не ответил и ушел. Видимо, он считал, что так и положено: подавать пустую сковородку посетителю. Так же думал и Ежик, потому что взял нож и стал соскабливать картофельные остатки.

Поглядев по сторонам, я увидел, что другие делали то же самое.

Мне не хотелось уходить голодным. Я отдал повару еще одну монету и попросил принести пельмени. Повар принес на подносе два блюда. Запах свежего мяса, приправленного перцем и лавровым листом, приятно защекотал ноздри.

«Вот уж поем в свое удовольствие», — успел подумать я, пока повар ставил тарелку перед нами на стол. Я глянул в свою тарелку и не увидел никаких пельменей. В ней блестел пустой бульон с жирными звездами.

— Где же пельмени? Это одна вода, — опять обратился я к повару. — Принесите мне настоящих пельменей.

— Как не стыдно, — укоризненно обратился ко мне пожилой повар. — Посмотрите на своего соседа. Он ест, и ему наши пельмени очень нравятся.

Я посмотрел на Ежика. Он, действительно, глотал бульон — ложку за ложкой. Пожав плечами, я отдал третью монету и попросил принести просто два стакана сладкого чая.

Повар немедленно поставил передо мной два стакана с тепловатой водой, в которой никогда не было ни крупинки сахара, ни щепотки чая.

— Не буду пить! — возмутился я и встал из-за стола.

Повар не стал со мной разговаривать. Он покачал головой и ушел на кухню. Ежик тоже не поддержал меня, и я понял, что хозяин харчевни только делает вид, что кормит своих посетителей, а те также для вида обедают, скребут вилками по сковородкам и звякают ложками по пустым тарелкам.

«Не удалось поесть, хоть книжку интересную куплю на последнюю монетку. Когда читаешь, забываешь о голоде», — решил я.

Но купить книжку в этот день мне не удалось. Книжная лавка была закрыта. На другой день я снова пришел за книгой. Меня встретил работник хозяина лавки. Звали его Кудряш. Над лбом его торчала копна пшеничных волос, под ними сияли наивные голубые глаза, и весело улыбался белозубый рот.

— Книгу хочешь купить? — спросил он меня. — Какую тебе? Что ты любишь?

— Сказки,— ответил я,— про бабу-ягу, про Иванушку-дурачка и Кощея Бессмертного.

Парень подал мне книгу, на обложке которой была нарисована мчащаяся по голубому небу в расписанной цветами ступе баба-яга с помелом в руках.

— Хороша книга! — обрадовался я. — Вот почитаю.

Открыл первую попавшуюся страницу, взглянул и расхохотался прямо в лицо Кудряша:

— Возьми обратно. Здесь читать нечего. Все страницы чистые.

— Читать? — нараспев проговорил Кудряш. — Это, когда солнышко в небе светило, читали. А теперь книги покупают не для того, чтобы читать.

— А зачем же?

— Книгами украшают комнату. Ставят на полки в книжных шкафах и потом показывают всем, какие они культурные, какие начитанные и в каком почете у них книга.

Я снова расхохотался и вышел. Кудряш растерянно смотрел мне вслед, наверное, он размышлял про себя: откуда взялся странный покупатель, которому нужно, чтобы в книгах было что-то написано.

УСЫНОВИЛ

Вечером я возвращался после работы в санитарной армии. Мы в этот день собирали корень калгана и оказались довольно далеко от города. Когда вернулись, улицы уже окутали предвечерние сумерки. В некоторых домах чуть-чуть затеплились огоньки. На краю неба медленно поднимался еще очень бледный рожок месяца. Я засмотрелся на него и не заметил, как возле меня остановилась повозка. Кто-то грубо схватил меня, зажал рот, заломил назад руки, бросил на дно повозки и захлопнул дверцу.

— Не устраивай шума,— произнес возле меня зловещий мужской голос, и, хотя в темноте не видно было лица, я сразу узнал, что это мясник Туктук.

Повозка тархтела, подпрыгивая по неровным камням мостовой. Мясник толкнул меня в угол и прижал своим тяжелым телом. Но ехали мы недолго. Вскоре повозка остановилась.

Туктук приоткрыл дверцу, чтобы я мог хоть немного разглядеть его, вытащил из-под плаща узкий длинный нож, которым резал окорока и колбасы, и раздельно, сопровождая каждое слово взмахом ножа, сказал:

— Помалкивай. А будешь шуметь, разрежу этим ножом на куски. Пойдем.

Он взял меня за руку, вытащил из повозки и повел в здание.

Оказывается, мы приехали в суд. «Что он хочет со мной сделать? Зачем привел сюда?» Я вертел во все стороны головой, все еще надеясь, что кто-нибудь хоть знаком, хоть жестом объяснит мне, что происходит. Но на мою беду знакомых вокруг не было, хотя возле коричневой двери с табличкой «Судья» толпилось много народу.

Мясник приподнял шляпу на голове, улыбнулся полными губами, и стоявшие в очереди расступились, пропуская его вперед. Мы вошли в помещение. И первое, что бросилось мне в глаза,—это сутулая спина огородника Стручка, моего товарища по санитарной армии.

«Вот кто мне поможет»,—обрадовался я.

Судья потряхивал лысой головой и, скрестив на животе руки, слушал жалобы родного брата огородника, очень похожего на Стручка тем, что у него тоже был отвислый нос.

— У нас умер отец,—говорил брат,—и огород мы хотим поделить. Нас у отца было двое. Я считаю, что и огород нужно поделить поровну—шаг на шаг, метр на метр. Мы ведь родные братья, и наследство у нас должно быть равное.

— Разве это справедливо?—чуть нагнулся вперед Стручок.—У брата двое детей, да и те взрослые, уж работают, а у меня пятеро, мал мала меньше. Разве мне прокормить их со своей половины огорода?

— Так ты говоришь нас больше,—судья выставил

лысину, как будто собирался боднуть кого-то.—Тогда всей семьей беритесь за лопаты. Сколько кто успеет вскопать, тому столько земли и будет принадлежать.

— Помилуйте, судья.—Стручок весь как-то устремился вперед и даже приподнялся на цыпочки.—Так мне еще меньше земли достанется. Брат сам с женой выйдет на работу, да еще взрослые дети—не успеешь за лопатой следить. А мы выйдем только с женой. Наши дети не могут работать.

— А это меня не касается. Иди. Я высказал свое решение.

— Спасибо, судья,—брат Стручка поклонился и вышел из комнаты.

Стручок хотел что-то сказать, но судья повернулся к нему спиной и обратился к мяснику:

— Здравствуйте, здравствуйте! Давненько вас не видел. Что привело сюда? Да вы садитесь.—Он указал на кресло, но мясник не сел.

Удрученный Стручок, видя, что с ним больше не разговаривают, печально поплелся к выходу. Я хотел сказать, что попытаюсь ему помочь, но не сумел даже подойти к нему. Туктук и здесь, в комнате, держал меня за руку.

— Я хочу усыновить этого мальчишку. Ни дома у него нет, ни отца.—Мясник вдруг стал гладить рукой мою голову.

— Неправда! — заговорил я.— Есть у меня отец. Он меня любит. Я не хочу, чтоб моим отцом был Туктук.

Тут встал судья.

— Тебе повезло, глупый мальчишка! Тебя берет в семью такой хороший человек, краса и гордость нашего города. А если есть у тебя второй отец—это даже лучше. Один здесь, другой там. Нигде не пропадешь.

— Все равно не хочу,—упрямо стоял я на своем.

— Это только с непривычки так,—ласково говорил мясник, пытаясь снова погладить меня.

А судья уже достал с полки большую книгу и записал в ней, что я теперь не Петрушка сам по себе, не сын мастера Трофима, а сын мясника.

— Растите своего сына умным и заботливым. Пусть будет всегда таким же отзывчивым к чужой беде, как вы, — напутствовал судья мясника.

Когда мы обратно возвращались коридором, Туктук раскланивался и всем дарил широкую белозубую улыбку. А сзади меня то и дело слышалось:

— Смотрите, у мясника добрая душа. Усыновил мальчишку, у которого нет ни крыши над головой, ни семьи.

— Будет теперь наследник. Не каждый решится... Мне хотелось вырваться из рук мясника, но лезвие острого ножа торчало возле моего бока, а быть изрезанным у меня вовсе не было желания.

Туктук вывел меня из здания суда, открыл дверцу повозки, втолкнул в нее и сел на меня, как будто я был не мальчишка, а куль с овсом или мешок с мукой. Повозка снова затарахтела по камням.

ДЕСЯТЬ СОЛНЦ

Главный Врач сдержал свое слово. По его требованию солдаты санитарной армии освободили музей для Гусиного Пера. Экспонаты вынесли из дома и сложили в сарай. Большое помещение разделили на комнаты. Выделили ученому отдельный кабинет-контору. Ежику тоже отвели комнату. Построили кухню с печкой, чтобы готовить для ученого обеды повкуснее, и даже соорудили лежанку. Пусть ученый погреет косточки, отдохнет от трудов. Я увидел все это, когда забежал навестить Ежика.

Ежику в этом доме очень нравилось.

— Наконец-то моего отца оценили по заслугам. А вот изобретет он солнце, то ли еще будет!

Ежик так уверенно говорил, что я засомневался: «А вдруг и правда можно изобрести солнце, которое будет светить и греть. Да это же здорово!»

Через два дня Ежик прибежал за мной, когда я чистил картошку, чтоб приготовить обед мяснику.

— Идем скорее! Сейчас солнце искусственное вешать будут. Мой отец закончил работу, — сказал он.

Я бросил нож, картошку и помчался вслед за Ежи-ком. Мы видели что около крыльца Гусиного Пера в почтительных позах склонились мясник Туктук и хозяин харчевни.

С крыльца спускался ученый. Три солдата санитарной армии расстилали перед ним красную коверную дорожку с яркими зелеными полосами.

Гусиное Перо высоко поднимал ноги и, гордо поглядывая по сторонам, ступал по мягкому пушистому ко-вру. Следом два солдата несли закрытый ящик.

Дойдя до середины улицы, ученый остановился и воздел к небу руки. Широкие рукава цветастого халата, в который он был облачен, упали, обнажив худые руки в пятнах желтой и оранжевой краски.

— Люди! — крикнул он. — Я изобрел солнце. Я дарю его вам, дорогие граждане. Пусть оно светит, пусть обогревает наш город, пусть принесет счастье. Ура!

— Ура! — пронеслось по толпе. В воздух над толпой взлетели кепки, картузы, фуражки.

— Поставьте я щ и к , — распорядился Гусиное Перо. — И вroyте столбы.

Солдаты осторожно, словно он был стеклянный, поставили ящик на ковер у ног Гусиного Пера и вооружились лопатами.

Прошло немного времени, и вдоль улицы, по обеим сторонам ее, выстроились, поблескивая капельками смолы, десять сосновых столбов.

— Я отдаю вам свое сокровище, свое солнце. — Гусиное Перо открыл крышку ящика.

Все замерли, вытянув шеи, чтобы получше видеть. Задние почти легли на плечи передних: каждому хотелось первым разглядеть великое чудо.

Ученый достал из ящика и поднял над головой... Я не поверил своим глазам. В руках у Гусиного Пера было обыкновенное днище от бочки с капустой. Я вложил в рот два пальца и свистнул от возмущения. Окружающие поняли этот свист как выражение восторга.

— Ура! — снова закричали они.

Мальчишки засвистели, и в воздух опять полетели шляпы.

Под приветственные крики толпы солдаты санитарной армии прибили днище на столб.

— У меня не одно Солнце. У меня их десять! — дождавшись, пока утихнет радостный шум, крикнул Гусиное Перо. И он принялся доставать из ящика одно за другим ярко-оранжевые круги, украшенные зубчиками по краям.

«Тьфу-у ты! До чего довела болезнь, — подумал я про себя. — А ведь Гусиное Перо верит, что изобрел настоящее солнце. Вон как радуется, и все вокруг меня радуются, а Ежик так и сияет от восторга».

— Смотри, какое солнце изобрел мой отец! Загорать можно! Да в а й . — И, не дождавшись моего согласия, он стянул с плеч рубашку и встал между двумя столбами.

— Пусть под одним солнцем загорает спина, а под

другим живот, — пояснил он, но вскоре замерз. Пришлось одеться.

Я попытался объяснить Ежику, что никакое это не солнце, а покрашенные днища от бочек с капустой, но меня обозвали глупцом.

У ОВОЩЕВОДА СТРУЧКА

— **Х**ватит тебе болтаться без дела, — сказал мне утром Туктук. — Пора и на хлеб зарабатывать. Не маленький.

Я не стал возражать, хотя мог бы ответить, что каждый день работаю с утра до вечера. Я готовлю обед, убираю комнаты, кормлю скот, пою его, ношу воду из далекого колодца. И ругать меня пока не за что.

— Отправляйся к скотоводу. Три дня будешь пасти у него коз. Авось что-нибудь да заработаешь.

Я отправился к скотоводу. Он держал десять коз, и пасти их приходилось за огородами. Пока я следил за ними, козы мирно щипали траву, но стоило мне отвернуться — они тут же норовили забраться в соседний огород. Мне приходилось бежать за ними и гнать обратно на луг.

Однажды козы умчались особенно далеко, и я случайно попал в низину, где был расположен огород Стручка. У самого забора я подслушал разговор двух братьев. Они договорились завтра вскопать огород, чтобы определить, кому и сколько земли достанется.

«Вот где помогу Стручку», — обрадовался я и на другое утро отправился пасти коз, захватив длинные веревки.

Я, привязав каждую козу к веревке, а другой конец веревки к вбитым колышкам, побежал к овощеводу.

На огороде уже шла работа. Брат Стручка, его жена и двое взрослых сыновей так махали лопатами, что только искры сыпались, если попадался камень. С другого конца огорода медленно двигались им навстречу Стручок и его жена, худенькая невысокая женщина. Пятеро ребятишек играли рядом стеклышками и камешками.

— Дай лопату. Помогу, — обратился я к Стручку.

Стручок без особой радости принес мне лопату. Он не очень верил в мои силы. А я с увлечением принялся за дело. Лопата с хрустом вонзалась в податливую почву, комья земли летели в стороны, а плотные отвалы ложились вдоль борозды.

Полоса выкопанной черной земли стала расти и немудимо приближалась к тому концу огорода, где работали брат Стручка, его жена и сыновья. Видя, как быстро мы двигаемся вперед, брат Стручка яростнее замахал лопатой. Сыновья взяли пример с отца и тоже удвоили скорость. Но разве сравнятся их обыкновенные руки с моими тряпичными, не знающими усталости!..

Вот уже вскопана половина огорода, перебрались на вторую часть его, и, наверное, скоро брату Стручка совсем не останется бы земли, если бы справедливый Стручок не сказал:

— Хватит. Ему тоже нужно иметь свою грядку лука, огурцов и небольшую делянку картошки. Спасибо тебе, Петрушка, — поблагодарил меня Стручок.

А на другой день я погнал вновь коз на луга, опять привязал их к колышкам и отправился к одной старушке. Овощевод Стручок рассказал мне, что у ней совсем обвалилась крыша.

Целый день я лазил по крыше, прибавал новые доски и даже переложил часть разрушенной печной трубы.

Старушка вынула из сундука три метра полотна и протянула мне.

— Возьми себе, Петрушка. Рубашку сошьете.

Но я не взял полотно. Вернулся к своим козам, напоил их и отвел к скотоводу. На этом работа у скотовода кончилась. Пришлось возвращаться к ненавистному мяснику...

— У меня нет денег, — сказал скотовод мяснику. — Не могу расплатиться сейчас.

— Хорошо, — согласился тот. — Мне не к спеху. Напиши только расписку.

И скотовод написал, что обещает к осени привести двух молодых здоровых козочек. Туктук бережно сложил расписку и спрятал ее в окованный железом деревянный сундук.

«Странно, — думал я, глядя, как тщательно запирает свой сундук мясник, — очень странно. Все хорошие, добро-совестные люди выполняют теперь, когда не стало солнца, всю работу лишь для вида, а жадина Туктук стал еще жаднее».

Потом я заметил, что хитрее стал обманывать людей хозяин харчевни. А про ростовщика и говорить не приходилось. Он отбирал у больных последние монеты. А они если и возражали, то только для вида, а потом все равно отдавали то, что просили богатеи.

ЖЕМЧУГ

— **Д**ай мне твоего сына на неделю, — попросил у мясника ростовщик в широких полосатых брюках на подтяжках и таком же полосатом пиджаке.

— Пиши расписку, что прикатишь мне за это бочку меду.

Ростовщик сердито засопел.

— Э, нет. Так рискованно. Я собираюсь его заставить жемчуг ловить, а вдруг не поймает.

— Тогда и сына не дам. — Туктук закрыл меня своей широкой спиной. — У меня его сейчас кто хочешь возьмет.

— Ладно, напишу, — и ростовщик, согнувшись, написал, что обещает привезти бочку меду.

Мясник спрятал расписку в деревянный сундук и отпустил меня. Я сначала обрадовался. Думал: сбегу от него. Сяду на какой-нибудь корабль и доплыву до своей кукольной страны, но мне сразу стало стыдно за свои мысли... Ведь я поехал, чтобы помочь жителям города избавиться от болезней, но еще ничего не сделал...

В первый день я нашел всего две раковины с жемчугом внутри и вдруг увидел прямо на берегу стеклышко, сглаженное морскими волнами. Я принес все три находки ростовщику. Тот внимательно посмотрел, укоризненно проговорил:

— Не очень богато, — и положил добычу в карман.

«Ха-ха-ха!» — рассмеялся я про себя. — Оказывается, ты и не разбираешься, где настоящая жемчужина, а где

простая стекляшка». На следующее утро я взял из шкафа стеклянную бутылку из-под молока, спрятался за домом и грохнул по ней камнем. Звонкие осколки полетели во все стороны. Я выбрал четыре стекляшки, которые могли бы сойти за жемчуг. Потом спрятал свою добычу в карман и отправился к Главному Врачу. Дождавшись момента, когда он остался один, я сказал:

— Вы тоже, наверное, болеете этой темной болезнью. Врач кивнул.

Быть может, он один в городе понимал, как это плохо, и очень хотел бы вырваться из западни, причиной которой он считал недобросовестное отношение к делу, работу для вида.

— Я хочу помочь вам. Я буду стоять возле и каждую минуту напоминать, чтобы вы не относились к своим обязанностям равнодушно.

Врач кивнул, соглашаясь, и мы вместе отправились принимать больных.

Женщине с распухшей щекой Главный Врач хотел вытащить здоровый зуб, но я вовремя дернул его за рукав.

У следующего, у портного, был нарыв на руке. Доктор, опять-таки после нескольких моих напоминаний, вскрыл его. А ведь чуть-чуть было не разрезал здоровый палец.

Пришел новый день, я снова разбил банку и бутылку. Получилось на этот раз пять круглых осколков. Спрятав их в карман, я опять отправился в больницу. Там помогал кормить больных, давал им лекарство, ставил горчичники, а вечером отдал стекляшки ростовщику.

— Богатая добыча! — Ростовщик улыбнулся и на этот раз не посетовал, что обещал за меня бочку меду. Но чуть позднее случилось непредвиденное.

— Ты, Петрушка, не знаешь, куда пропадают у нас бутылки и банки? — спросил ростовщик.

— Не знаю, — ответил я и понял, что добывать жемчуг в собственном доме ростовщика мне уже не придется.

Я стал выпрашивать у девочек стекляшки, но подходящих попадалось мало. Тогда пришел к Ежику и, вызвав его, попросил принести несколько стеклянных банок или бутылок...

Наконец срок кончился, и ростовщик возвратил меня к мяснику. А уж после этого я ходил к сапожнику, у которого выпрямлял гвозди, к печнику, где клал печи, к столяру, делавшему мебель, и, в конце концов, возмущился. Разве я для того приехал сюда, чтоб добывать богатства мяснику, у которого в сундуке скопилось великое множество расписок. Нужно отправиться на болота и по-свойски переведаться с болезнями.

Желание мое вскоре сбылось.

Главный Врач собрал жителей у больницы и объявил:

— Скажите, люди, кто любит свой город? Кто хочет быть героем?

— Мы все хотим быть героями, — сказал кто-то один за всех.

— Кто рискнет пожертвовать своей жизнью, чтобы пробраться в страну болезней?

— Я согласен!

— Я! — раздались дружные голоса, и каждый шагнул вперед.

— Спасибо, горожане, — Главный Врач поклонился толпе и снова продолжал свою речь: — У нас в городе сияют десять солнц, но болезни все чаще пробиваются к нам, и в больнице уже не остается места, чтобы положить больных. Давайте выберем смельчака. Он пойдет на болото, разведает, что делается в стране болезней, откроет тайные тропы к их жилищам. Вот ты, Катуска, пойдешь?

— Я? — сделав шаг назад, переспросил Катуска. — У меня жена больная. Я не могу оставить ее.

— Ну что ж. Это дело добровольное, насильно туда не пошлешь... — сказал Главный Врач. — Поищем других.

Он снова обвел взглядом собравшихся и остановился на Стручке.

— А ты, Стручок? Ты знаешь травы и деревья. Ты быстро найдешь тропинки к болотным жителям.

Стручок под взглядом Главного Врача опустил голову.

— Я не могу, — отказался он. — У меня пятеро детей. Погибну я в стране болезней, кто им поможет? Кто заме-

нит отца? Да и не справлюсь я с этим трудным заданием. Где мне быть хорошим лазутчиком, если я сажать деревья и овощи разучился, даже не всегда определить могу, где корни, а где листья...

— Я пойду, — шагнуляк доктору.

— Он не пойдет! — закричал мясник. — У него много работы. Сегодня он жемчуг ловит, а завтра пойдет к пекарю, будет помогать печь хлеб.

— Тогда сам иди, — отрезал Главный Врач.

И толпа поддержала:

— Правильно. Иди сам. Будешь героем.

Мясника как ветром сдуло, исчез в толпе, провалился. Главный Врач положил мне руку на плечо и сказал:

— Вправду, Петрушка, придется тебе идти.

— И пойду. Только дайте мне товарища.

— Выбирай. Каждый с радостью станет твоим товарищем.

Я стал выбирать, кого же взять с собой. В первом ряду, почти напротив, увидел Кудряша. Он говорил вслух, обращаясь не то к соседу, не то к самому себе:

— Петрушка—герой, настоящий герой! Он собрался в логово болотных жителей. Я хочу быть на него похожим.

Слова Кудряша мне очень понравились. Я указал пальцем на него.

— Ты пойдешь.

— Не могу, мне книги продавать надо, — только и сказал Кудряш.

Я не стал с ним спорить, так как понял, что все называют первую причину, которая придет на ум, а на самом деле просто боятся болезней.

— Не пропадут твои книги. Собирайся. — Я стал плечом к плечу с Кудряшом и даже обнял его.

— Я согласен. Я сейчас... — ответил Кудряш. Он и отказывался только для вида...

РЕЧКА, ВОЗДУХ СОСНОВЫЙ ЧИСТЫЙ ЗДОРОВЫЙ

Мы отправились в путь ранним утром. За плечами у нас висели мешки, и в них сложены все наши запасы пищи. Овощевод Стручок принес нам на дорогу и морковь, и репу, и вареную картошку, строитель Катюшка — несколько лепешек. Даже мясник Туктук, чтобы показать, как он хорошо ко мне относится, принес колбасы.

Все провожали нас до городских ворот. Мой приемный отец даже прослезился, вытер ладонью выпуклые глаза и сказал:

— Возвращайся, мой сын. Мне будет тяжело без тебя.

Я не верил его слезам и промолчал. Мы с Кудряшом пошли по тропинке, бежавшей по лугам. Еще когда светило солнце, мне приходилось бывать на этом лугу. Все здесь тогда сияло радостью. Трава сверкала, как изумруд. Нежные головки цветов кланялись приветливо и весело. Над цветами вились бабочки, а в вышине над лугом заливались жаворонки.

Теперь здесь было скучно. Трава поблекла. Цветы не могли раскрыть свои венчики. И мне стало очень грустно. Я задумался. И в это время послышался голос:

— Верните нам солнце. Без солнца не может зеленеть трава, не распускаются цветы, не порхают над ними яркие бабочки.

Я оглянулся, отыскивая того, кто это говорит. Никого не увидел. Все было тихо.

Опять я, опустив голову, пошел вместе с Кудряшом, и снова мне послышалась тихая жалоба:

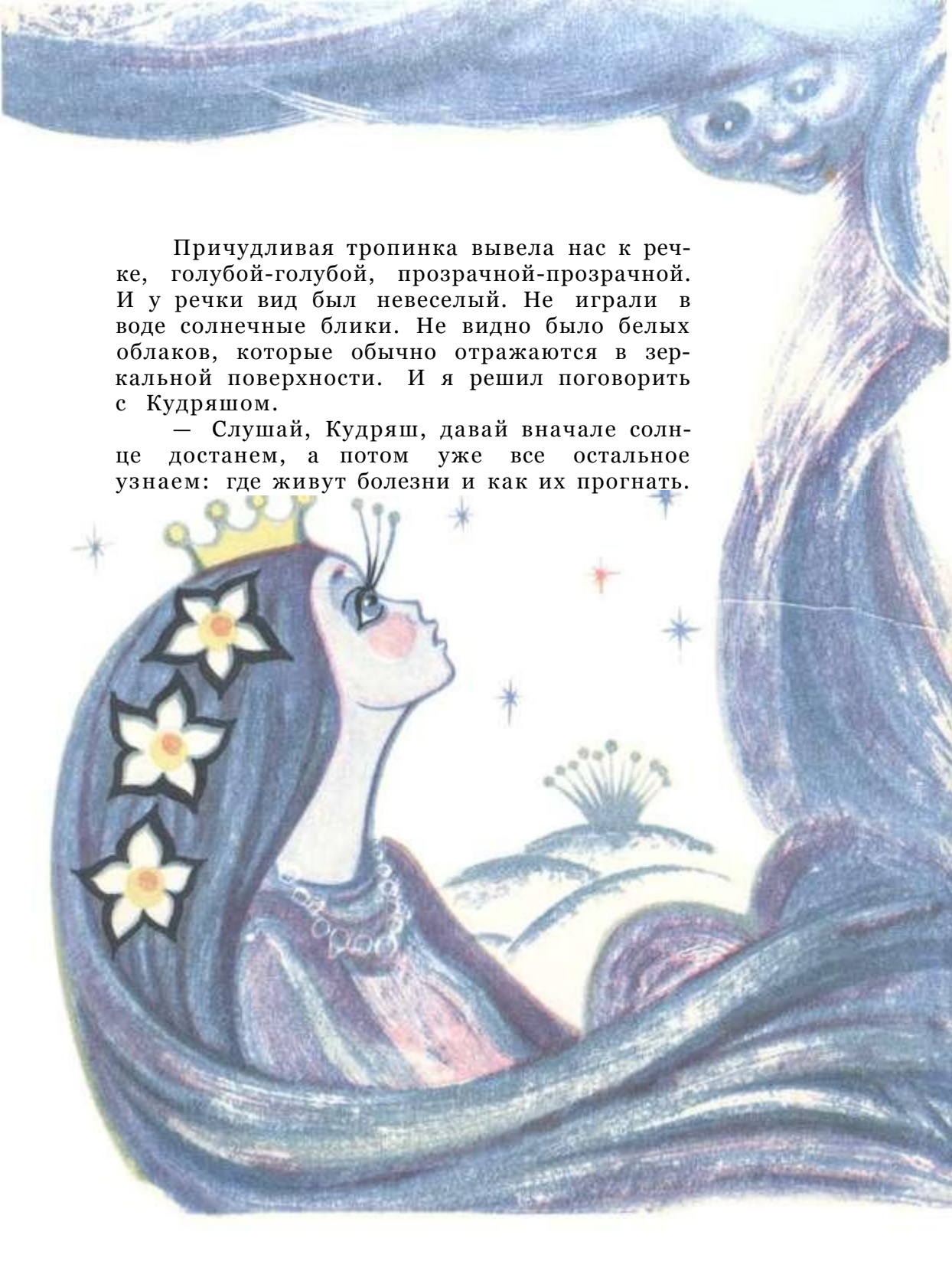
— Надо найти солнце, чтобы оно вновь засияло на небе. Плохо без него и зеленой траве, и ярким цветам. Без него и птицы не поют.

— Ты ничего не слышишь? — спросил я Кудряша.

— Н е т, — ответил он.

Я прислушался и тоже ничего не услышал.

И тут я подумал, что просто собственные мысли кажутся мне голосами трав, цветов и птиц.

Причудливая тропинка вывела нас к речке, голубой-голубой, прозрачной-прозрачной. И у речки вид был невеселый. Не играли в воде солнечные блики. Не видно было белых облаков, которые обычно отражаются в зеркальной поверхности. И я решил поговорить с Кудряшом.

— Слушай, Кудряш, давай вначале солнце достанем, а потом уже все остальное узнаем: где живут болезни и как их прогнать.

— Давай, — согласился Кудряш.

— Возьмите меня... и я с вами. Я тоже хочу выручить солнце, — услышал я голос, как будто серебряный колокольчик прозвенел.

— Кто это? — Я оглянулся. Передо мной стояла девушка.

Такой красивой я в жизни не видел. Глаза как звезды, щеки как спелые яблоки. На шее ожерелье из разноцветных ракушек и три белые лилии в золотистых волосах.

— Кто ты? — вырвалось у меня.

— Я — Речка.

Я недоверчиво хмыкнул.

— Быть не может. Речка вон по лугу бежит.

Посмотрел, а между кустами ивняка устланное серым песком и галькой пустое русло извивается. Я еще раз хмыкнул от удивления, а Речка подумала, что я все-таки не верю.

— Смотрите! — взмахнула она гибкими руками — и не стало девушки.

Опять бежит меж зеленых берегов речка, галькой шуршит, легкой волной в берег бьет.

— Возьмем тебя. Возьмем, — сказала Речке. — Идем с нами. Втроем веселее.

Один миг — и снова перед нами девушка стоит.

— Смотри, какая красавица, — толкнул локтем Кудряша. — Никогда такой не видал.

— Девушка как девушка, — пожал плечами Кудряш.

Зато Речка, как посмотрела на Кудряша, так и не могла отвести от него глаз. А потом подошла к нему, взяла за руку и сказала:

— Я дочь морского царя. У моего отца много прекрасных дворцов. А под водой такие чудеса и клады, каких нигде и ни у кого нет.

Кудряш поднял на нее безразличные голубые глаза. Какое ему дело до морского царя, до его чудесных дворцов и богатых кладов!

Речка повела Кудряша за собой и все рассказывала ему то про золотых рыбок, быстрых гонцов, то про пучеглазых осьминогов, исполнительных слуг, то про подводные растения актинии. Кудряш отвечал ей «да» или «нет», если она спрашивала, и слушал молча. А потом просто-напросто отошел в сторону, согнулся, делая вид, что завязывает ботинки.

— Что это Кудряш такой молчаливый? — поинтересовалась Речка, оставшись рядом со мной.

— Больной он. Ведь после того, как украли у нас солнце, все люди в городе заболели, — поспешил объяснить я. — Поэтому и говорить ему не хочется.

— Жаль, очень жаль, — посочувствовала Речка. — А мне он сразу понравился. Хороший он человек.

Мне стало завидно. Разве я хуже, чем Кудряш? У меня глаза-пуговицы синие, как небо. А волосы рыжие, прямо солнечные. У меня красная рубашка и синий колпак с колокольчиком. Я, как белка, могу лазить по деревьям, бегаю быстрее лошади, а плясать начну — засмотришься. Почему же Речка мной не любитесь?

На второй день мы пришли к болоту. Звонко и весело квакали лягушки. Под ногами путалась острая темно-зеленая осока. Заросли кукушкина льна торчали жесткой щеткой. Кустики черники темно-зеленым кружевом окаймляли редкие кочки и бугры с чахлыми деревьями. Березки были низкие, стлались по земле, а тощие осинки казались жалкими и хрупкими. Тяжелые испарения плыли над болотом и поднимались кверху. Пахло застоявшейся водой и тиной.

Я вооружился шестом и шел, ощупывая им дорогу. Сзади гуськом следовали Речка с Кудряшом.

Справа от себя я слышал какой-то шум. Оглянулся. В темно-зеленой осоке, около небольшой лужицы, затянутой ряской, мелькало пестрое узкое туловище.

— Змея! Речка, берегись! — закричал Кудряш.

Речка повернулась в сторону, а я... я закричать не успел. Я просто бросился наперерез змее, загородил собой Речку. Змея вонзила свои зубы в мою тряпичную ногу в зеленых штанах, потом отпрянула и снова исчезла в осоке.

— Она тебя укусила? — испугалась Речка.

— Не беда, — ответил за меня Кудряш. — Он тряпичный. Его хоть тысяча змей укусит, ему ничего не будет.

— Ну и хорошо, — облегченно вздохнула Речка.

А я впервые пожалел, что сделан из ваты, материи и крепкой замши. Ведь если бы я был человек, Речка почувствовала бы мне, обмыла бы рану на ноге и поняла бы, как я рисковал ради ее спасения. Но пока... пока она шла с Кудряшом, и колокольчиком звенел ее радостный смех, и нежным дуновением ветра казались слова, которые она говорила своему спутнику. Кудряш хмурился, отворачивался. Ему явно не по душе была эта разговорчивая спутница.

Выбрав место посуше, на небольшом пригорке, где каким-то чудом уцелело несколько стройных сосенок, мы развели костер. Речка куда-то ушла и вскоре вернулась с несколькими веточками брусники. Она заварила их кипятком и налила нам по кружке.

— Никогда не пил такого вкусного чаю, — похвалил я, выпив одну кружку и наполнив вторую.

— А мне тоже надо брусничного чаю, — прогудел возле меня чей-то голос. — Я очень хочу.

— Это ты, Кудряш, просишь? — обратился я к юноше.

— Нет, я напился, — ответил тот.

— Ты, что ли, Речка?

— Нет, — ответил серебристый голосок Речки.

— А кто это просит?

— Я прошу, — снова прогудело в вышине.

— Просишь, так бери, — беспечно ответил я. — Мне не жалко брусничного чаю. — Но я хотел посмотреть, кто же его будет пить. Я глаз не сводил с кружки. Никто ко мне не подходил, но кружка опустела.

— Уф! Вкусно. Давненько я не пил кипяченой воды да еще с брусничной заваркой. Дайте еще.

Я налил еще кружку, и вода в ней снова исчезла.

— Уф! Спасибо, — выдохнул кто-то над самым моим ухом.

— Кто ты?! — воскликнул я.

— Я — Воздух Сосновый Чистый Здоровый.

— Это мой дядя. Здравствуй! — Речка протянула вперед руки.

— Здравствуй, племянница. Давненько тебя не видел. Как отец поживает?

— Хорошо, — ответила Речка, — а мы за солнцем идем. Хотим отнять его у болотных жителей. Пусть на небо вернется.

— Пусть вернется, — согласился Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — Мне без него тоже плохо. Холодно, и в зайчики поиграть не с кем. Я тоже с вами пойду. Возьмите меня.

— Пойдем, — дружно ответили я и Речка. — Вчетвером веселее.

— Э-э-э. Не только веселее. Я вам пригожусь. Вы чувствуете, как здесь пахнет.

Я поглубже вдохнул и почувствовал, что тяжелые затхлые испарения исчезли, а на смену им пришел аромат соснового бора, белых грибов и нежных ландышей.

— Хорошо! — Я набрал полную грудь живительного воздуха.

НА БОЛОТЕ

Наш путь продолжался. Впереди, показывая дорогу, гудел над болотистой низиной Воздух Сосновый Чистый Здоровый. А мы шли на его голос, перепрыгивая с кочки на кочку, обходили предательские «окна», огибая заросли багульника и тростника.

В одном месте, на низкой березе, мы заметили белку, она прыгала с ветки на ветку, и тонкие сучочки качались, грозили обломиться. Речка засмотрелась на быстрого зверька, сделала неловкий шаг, сошла с твердой тропы и тут же провалилась по пояс.

— Ай! — только и успела выкрикнуть она.

Кудряш, который шел с ней рядом, протянул девушке руку. Она схватилась за нее, а он сказал:

— Подожди. Не бойся. Я сейчас вытащу.

Но вытаскивать не спешил. Болезнь и тут давала себя знать. Но даже и то, что он держал Речку за руку, очень помогло, она не погрузилась в глубину болота. Я бросился на помощь и вытащил девушку из топи.

— Спасибо вам. Вы спасли мне жизнь, — говорила Речка Кудряшу, и глаза ее сияли счастьем. — Ты мне очень понравился. Пойдем со мной жить в подводный дворец. Будем вместе плавать среди медуз и актиний.

— Нет, не пойду, — отказался Кудряш.

Мне стало обидно, что это не меня, а Кудряша приглашает Речка жить в подводном царстве. Уж я бы там, под водой, не потерял ни минуты даром — облазил бы все пещеры и гроты, померился бы силами с осьминогом и поймал бы за хвост самого быстрого морского конька.

После этого Речка перестала улыбаться. Уже не звенел больше ее серебристый смех, и глаза стали совсем печальными. Мне было жаль грустную Речку, но я не предполагал, что эта печаль может помешать нам достать солнце.

Мне казалось, что мы непобедимы, но нашу четверку ожидали испытания, о которых я никак не догадывался.

Однажды на привале я заметил, что Речка отошла от костра и как будто спряталась в зарослях ивняка.

Я подкрался к соседнему кусту. Выглянул из-за него. Речка сидела на земле, поджав колени и обнимая их руками. Подбородок ее был поднят, и вся она, казалось, тянется кверху.

— Послушай, дядя, — донесся ее печальный голос. — Мне так нравится Кудряш, но он не улыбается мне, никогда не молвит нежного слова. Что мне делать?

— У-у-гу-гу! — загудел Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — Ты одна у меня племянница. Не дам я тебя в обиду. Не горюй. Я ему покажу-у-у!..

— Что ты, дядя. Я люблю Кудряша. Не надо его наказывать.

— Ладно. Не буду наказывать, — снова согласился Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — Завтра же поговорю...

На следующее утро меня разбудил шум.

— У-у-у! — гудел невидимый товарищ. — Как смеешь ты, Кудряш, обижать мою племянницу?

— Да я не обижаю, — бесстрастно произнес Кудряш.

— Как не обижаешь? — еще громче загудел Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — Любит она тебя, а ты на нее внимания не обращаешь.

— Не обращаю, — согласился тот.

— А ты обращай... А не то уйду от вас... И Речку уведу. А без нас никогда вам не видать солнца. Одолеют вас болезни.

Вначале я с любопытством слушал этот спор и думал, как же выпутается Кудряш из этой истории, а теперь почувствовал, что, действительно, без Речки и Воз-

духа Соснового Чистого Здорового не одолеть нам болезней, не достать солнце.

А Воздух Сосновый Чистый Здоровый не сдавался.

— Может быть, у тебя в городе невеста есть. Ты скажи. Я с ней мигом разделаюсь. Унесу за тридевять земель.

— Да ладно у ж , — согласился Кудряш. — Полюблю. «Вот и хорошо», — обрадовавшись, подумал я.

И Воздух Сосновый Чистый Здоровый тоже обрадовался:

— Я теперь не только солнце, луну с неба могу добыть. Только бы моя племянница была счастлива. Одна она у меня.

И снова установился мир в нашей четверке. Снова мы шли вперед. Воздух Сосновый Чистый Здоровый гудел в вышине и показывал нам дорогу. Кудряш шел рядом с Речкой, непрестанно улыбался и говорил:

— Милая Речка, ступи вот на эту кочку, здесь сухо. А теперь вот сюда. Держись, Речка, здесь дерево. Твои чудесные косы заденет.

Он постоянно предлагал ей руку, помогал перебраться через канаву. А где было особенно грязно, брал ее на руки, переносил и улыбался ей одними губами. Речка сияла. Как нежный колокольчик, звенел ее смех.

— Как легко и просто все на свете , — сказала она дяде, когда Кудряш отошел, чтобы набрать хворосту для очередного костра. — Спасибо тебе. Очень, очень меня теперь любит Кудряш.

Мне стало жаль наивную Речку. Ведь любил ее Кудряш только для вида...

Мне снился сон, как будто я и мои товарищи по санитарной армии стоим у городских ворот и смотрим, как Главный Врач, взмахнув рукой, дает приказ стрелять по наступающим на город болезням. Прямо в жерла пушек артиллеристы загружают пузырьки с лекарствами, пакеты с порошками, банки с мазью и витаминные конфеты.

— Огонь! — кричит Главный Врач, и пушка вместо того, чтобы выстрелить, оглушительно чихает.

Бутылки разбиваются, разбрызгиваются лекарства. Из порошков облаком падает порошковая пыль.

Санитарные солдаты снова заряжают пушки, и снова вместо грома выстрела раздается чье-то чихание. На этот раз оно мне показалось таким громким, что я проснулся и на самом деле услышал, как кто-то совсем рядом чихнул и чей-то шипящий голос сердито проговорил:

— Тихе ты. Разбудишь.

У костра, где тлело несколько угольков, бродило двое чужих. Невысокая, щуплая фигура нагнулась над Речкой, а вторая, высокая, тощая, склонилась над Кудряшом и пробубнила свистящим шепотом:

— Пусть болеет оспой. Пусть болеет оспой.

— Оспа! — закричал я. — На нас болезни напали! Держи!

Речка и Кудряш мигом вскочили и вдвоем набросились на мужчину. Я рванулся за Оспой, но запоздал. Она ловко вырвалась из моих рук и побежала, прыгая с кочки на кочку. Видимо, она хорошо знала все тропинки и вскоре исчезла в ночной темноте.

Я не решился продолжать погоню и вернулся к костру. Там Речка и Кудряш вдвоем держали лазутчика, а он вырывался от них, хрипел и выкрикивал:

— Я Грипп! Отпустите, а то ка-ак чихну...

— Попробуй только чихни! — Я сунул кулак прямо под нос Гриппу. — Чихнешь — и сразу бросим в трясины.

Грипп съежился и замолчал.

— У-гу-гу, — загудел Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — Бросим.

Пленник поднял голову вверх, чтобы посмотреть, кто ему угрожает, ничего не увидел, потер переносицу, сгорбился и зажал рот и нос ладонью.

Я подбросил в огонь охапку сучьев. Вспыхнули языки пламени и осветили у Гриппа нос-картошку, красное лицо и слезящиеся глаза.

— Говори, зачем послали?

— Меня и Оспу, — сквозь зажимавшие рот пальцы

прогнусавил Грипп, — царица Болотная Лихорадка послала. Приказала заразить, чтоб вы заболели и навсегда остались в болоте.

Тут Грипп открыл рот, выкатил глаза и снова приготовился чихнуть. Я уже подался вперед, чтобы выполнить свою угрозу, и Грипп, видимо, решил, что терять ему нечего, вдруг рванулся из рук Речки и Кудряша и бросился бежать, оглушительно чихая и кашляя на ходу.

Я погнался за ним. Но поймать не пришлось. То ли Грипп плохо знал дорогу, то ли ошибся в темноте и ступил не в ту сторону, только услышал я, как чавкнула возле него болотная жижа, раздался крик, и все затихло. Я вернулся назад.

— Не поймал? — спросили в один голос Кудряш и Речка.

— Не поймал. Утонул в болоте.

— Туда ему и дорога, — сказал Кудряш. — Одной болезнью меньше будет.

— Меньше-то меньше, да вот ты, Кудряш, оспой заболеешь. — Я с тревогой посмотрел на товарища, но Кудряш беспечно рассмеялся:

— Оспы я не боюсь. Мне давно прививку сделали. У кого прививка есть, тот не заболает.

Я обрадовался. Хорошее это дело — прививка!

— А на тебя, Речка, Грипп чихал. Я сам видел, как он наклонился над тобою, — продолжал я.

— Мне болезни не страшны. Я Речка. Я всегда здорова, — ответила девушка.

— Я тоже, — подхватил Воздух Сосновый Чистый Здоровый.

Спать больше уж не хотелось. Мы поярче развели костер, сидели и слушали, как вдалеке глухо ухает филин, стонет выпь и раздается крик дергача. Потом, ближе к утру, заквакали лягушки...

На самом краю болота мы увидели большую башню, сложенную из обросших мхом камней. Она тянулась высоко вверх и смотрела на нас узкими бойницами.

«Наверное, в этой башне и прячут болезни солнце», — решили мы и шагнули в темный проем входа.

В первой комнате увидели ржавую цепь с расплавленными звеньями. Было здесь солнце, да, видно, болезни теперь его в другое место спрятали. Где искать будем? И об этом решили подумать утром. Ведь недаром говорят, что утро вечера мудренее. А пока спать улеглись.

Проснулись от холода. Поглядели вокруг и не узнали башню. Пляшут в воздухе колющие снежинки. Узкие бойницы льдом задернуты, с потолка длинные тонкие сосульки свисают, а стены инеем, как кружевом, украшены. Задрожали мы: зуб на зуб не попадает.

— Эй, Воздух Сосновый Чистый Здоровый! Болезни хотят нас простудить. Выручай! — воскликнул я.

— У-у-у! Я здесь. Сейчас на выручку иду, — загудело над головой.

С потолка вдруг спустилась вниз струя теплого воздуха.

— У-у-у! Тепло ли? У-у-у! — спросил Воздух Сосновый Чистый Здоровый, и мы почувствовали, что действительно согрелись, что стало у нас тепло и сухо. Снова спать можно, и мы улеглись, но, оказывается, злоключения этой ночи еще не кончились.

Поднялись оттого, что чуть не задохнулись. В нос и рот набилась пыль и скрипела на зубах, как песок в пустыне. Огляделись. Даже в сером свете утра было заметно, что все стены и углы опутаны паутиной. По полу разбегались тысячи насекомых.

— Помоги, Речка, давай убирать, — сказал я. — Болотные жители грязь на нас напустили. Хотят, чтоб мы заболели.

Махнула Речка правой рукой, и оказалось у нее ведро с водой и тряпка. Махнула левой — метелка появилась. Есть чем со стен паутину обметать. Взялась Речка за дело, только руки замелькали. Пока мы с Кудряшом одну стену обметим, у нее две чисты до блеска. Пока мы один угол уберем, она два очистит, да так, что пылинки-соринки не найдешь. Залюбовался я ее работой. Показал Кудряшу на нее и тихо попросил подойти к Речке, похвалить ее.

— Молодец ты, Речка, — проговорил Кудряш. — Хорошо умеешь работать.

Улыбнулась Речка, будто солнышко ясное башню осветило.

ДВОРЕЦ БОЛОТНОЙ ЛИХОРАДКИ

Я сказал друзьям, что пойду к болотной царице и потребую, чтоб она вернула на небо солнце. Друзья не отговаривали меня, и я пошел. Прямо по косогору поднимались передо мной жалкие хижинки, а на самой вершине, в центре, возвышался каменный дом.

«Наверное, это дворец болотной царицы», — решил я и зашагал прямо по дороге.

Поднявшись на высокое крыльцо, увидел, что по обе стороны двери стоят две закутанные в темные плащи фигуры. «Стража, наверное, — догадался я. — Не пропустят...» Но, к моему удивлению, меня пропустили.

Я вошел в низкое, похожее на пещеру, большое помещение. В середине его возвышалось каменное ложе. На нем сидела женщина с тонкой гусиной шеей и маленькой головой.

Вокруг царицы столпились болотные жители, в шарфах, плащах, теплых шальях и полосатых брюках. Я присоединился к толпе. Встал рядом с горбатым мужчиной, который все время деликатно покашливал в сторону.

Болотная Лихорадка хлопнула в ладоши, и все уставились на нее.

— Скажи ты, — царица протянула вперед руку и указала тонким пальцем на какую-то женщину. Та вышла, и я с удивлением узнал ту самую Ангину, которая когда-то накормила нас с Ежиком мороженым.

— Докладывай! — визгливо потребовала владычица болот.

И Ангина начала:

— Я накормила мороженым двух мальчиков. Столько они съели, что и сказать страшно. Один, по имени Ежик, заболел, а второй, хотя ел в два раза больше,

так и остался здоровым. Если на каждого мальчишку я буду тратить столько мороженого, мне никаких запасов не хватит.

«Да. Конечно, если встречу еще раз, сразу весь ящик съем», — подумал я и облизнулся, вспомнив, с каким удовольствием уплетал в тот день даровое мороженое.

— Старайся, — похвалила владычица и взмахом руки отпустила Ангину. — Теперь ты! — Палец Болотной Лихорадки на этот раз указывал на моего соседа. Еще больше сгорбившись, он поправил шарф на шее, кашлянул, вежливо отвернулся от болотной царицы и хрипло начал:

— Я тоже не сидел без дела. Кхе-хе. Я научил трех мальчиков курить. Кхе-хе. Они заболели бронхитом и теперь лежат в больнице. Кхе-хе.

— Молодец. Хвалю за хорошую службу, — отпустила владычица Бронхита и поманила к себе следующего.

«Оспа», — прошептал я про себя, потому что сразу узнал нашу ночную гостью.

— Докладывай. Выполнила задание?

— Н е т . — Старушка низко склонилась перед царицей, опустила руки вдоль тела и, волнуясь, теребила свою ю б к у . — Мы подкрались к ним ночью, когда они спали. Я решила, чтоб первым заболел юноша, и нагнулась к нему. Грипп подошел к девушке, чихнул на нее и всех разбудил. Меня хотели схватить, но я убежала.

— А Грипп? — Царица поднялась со своего сидения и шагнула к седой сгорбленной женщине.

— Гриппа схватили, но он вырвался и убежал.

Оспа замолкла.

— Дальше?..

Оспа, как будто собираясь с силами, приподняла голову, взглянула на царицу и тихо сказала:

— Попал в болото и утонул.

Болотная Лихорадка отступила на шаг, снова села на место и замолчала. Все боялись нарушить установившуюся тревожную тишину. Болотная Лихорадка вновь взглянула на Оспу и грозно спросила:

— А парень?.. На него ты напустила хворь? Он заболел?

Оспа склонилась почти до полу и чуть слышно прошептала:

— Нет, не заболел. У него прививка.

Красные пятна вспыхнули на лице у владычицы болот.

— Не нужны мне такие подданные! — зло крикнула она . — Убирайся с глаз долой.

— Выслушайте меня , —Оспа умоляюще протянула к царице р у к и . — Я ходила от дома к дому. Я старалась, но всем сделали прививки, и меня никто не боится. Я стара и больше ничего не могу сделать.

— Вон! — еще раз гневно произнесла царица.

— Куда я пойду? Пожалейте. —Оспа беспомощно обвела глазами окружающих царицу жителей и вдруг увидела меня. «Узнала», — сразу понял я по ее лицу и, уже не таясь, шагнул прямо к Болотной Лихорадке.

— Владычица болотных жителей! — я потрянул головой, чтобы громче зазвенел колокольчик на моем синем колпаке, и немного помолчал, чтобы она обратила на меня внимание.

Болотная Лихорадка откинулась назад и задвигала гусиной шеей. Видимо, раздумывала, что сделать со мной. А я продолжал:

— Отдай нам солнце. Не отдашь — мы осушим болото и всех вас изведем.

— Хи-хи-хи! — тоненько засмеялась Болотная Лихорадка.

— Без солнца люди болеют и поэтому не смогут осушить болота. А вот на тебя... на тебя напустим все болезни. Ты у нас попляшешь...

— Не боюсь я ваших болезней. Тра-ля-ля! Тра-ля-ля! Я тряпичная кукла, и мне болезни не страшны: ни Ангины, ни Бронхиты, ни Коклюши...

— Гоните его в шею. Что возьмешь с тряпичной куклы! И Оспу гоните. От нее тоже толку нет! — приказала болотная царица.

Несколько рук схватили меня и Оспу, поволокли к двери и швырнули на лестницу. Мы с Оспой пересчитали все ступеньки крыльца. Моему тряпичному телу, конечно, ничего не сделалось, а старая Оспа, у которой, видно, не осталось живого места, охала и никак не могла подняться. Я даже забыл, что она враг, болотная жительница, так жаль мне ее стало, и я помог ей подняться. Все так же охая, Оспа побрела по улице. Я шел рядом, поддерживая ее, и думал про себя: «Кто знает, может быть, именно она, так жестоко обиженная владычицей, поможет мне найти солнце».

НОЧНЫЕ ГРАБИТЕЛИ

Мы прошли одну улицу, свернули на другую. Оспа от сильной боли и огорчения, видимо, ни на что не обращала внимания и не замечала моей помощи. Она шла машинально дорогой, которая ей была знакома. Подходя к одной из землянок на самом краю улицы, она

вдруг остановилась как вкопанная. Проследив за ее взглядом, я понял, что она смотрит, как возле землянки суятся мыши, вытаскивая посуду, мебель и белье.

— Что они делают? — воскликнула Оспа.

— Не знаю, — ответил я, хотя этот вопрос был обращен не ко мне.

Оспа взглянула на меня, и я увидел на ее глазах слезы.

— Они грабят мое добро. Это мой дом. — Как будто забыв об ушибах, она рванулась к двери и загородила мышам дорогу.

— Прочь отсюда, разбойники! Я здесь живу.

— Раньше жила, — ответила толстая старая мышь. — А теперь мы здесь будем жить. Нам Болотная Лихорадка разрешила.

— А я куда?

— Иди на все четыре стороны. Не мешай. — И толстая мышь щелкнула зубами.

Я схватил камень и запустил им в толстую серую мышь. Она взвизгнула и убежала. Испуганные мыши разбежались, осталась только одна, с отрубленным хвостом.

— Все равно ей, Оспе, не жить здесь, — пискнула она. — Болотная Лихорадка не разрешит. Пусть возьмет хоть теплую шаль, пока все не растаскали.

Оспа набросила шаль на опустившиеся плечи и пошла прочь.

— Зачем ты уходишь? — спросил я. — Ведь я разогнал мышей. Живи.

— Болотная Лихорадка все равно выгонит, — повторила Оспа слова мыши. — Но я ей отомщу... Ты мне можешь? — Голос у Оспы стал будто крепче, и даже ступать на больную ногу она стала увереннее.

— Конечно, помогу! — радостно воскликнул я и бережно подхватил старую Оспу под руку.

Я осторожно вел ее по улице. Мне хотелось сохранить то доверие, которое оказала мне Оспа, и с ее помощью найти солнце. Другой возможности у меня не было...

Наступил вечер, а я и Оспа все еще бродили между неприветливыми хижинами. Стал накрапывать дождик. Оспа куталась в свою шаль и никак не могла согреться.

— Пойдем попросимся ночевать вот в этот д о м , — позвала она меня. — Здесь живет подруга моего детства.

— Пойдем, — согласился я.

Оспа постучала. За дверью раздались шаги, и испуганный голос спросил:

— Кто там?

— Это я, О с п а , — откликнулась моя спутница. — Пусти переночевать. Меня из дома выгнали.

— Не могу я... От тебя отказалась владычица болота. Она мне не простит, если дознается.

— Пойдем, — потянула меня Оспа за рукав и постучалась в соседний дом.

— Не пустим т е б я , — ответили т а м . — Ты ненужна царице болезней. Значит, и нам не нужна.

А в третьем и объяснять не стали.

— Уходи, пока бока целы, — закричали на нее.

Больше Оспа не решалась никуда стучаться. Мы бродили с ней по тихим улицам. Она совсем выбилась из сил, еле передвигала ноги. И тут на нас свалилось новое несчастье. Нам вдруг зажали рот, связали по рукам-ногам, бросили на мостовую, обшарили. С Оспы сняли теплую пуховую шаль — единственное ее достояние, а мне дали подзатыльник.

Оспа лежала неподвижно, и я даже забеспокоился: уж не умерла ли она? Я тоже не мог встать — мешали веревки. Звать на помощь было бесполезно: никто не выйдет к нам, а если выйдет, не станет помогать тем, кого наказала Болотная Лихорадка.

Рассвело. Мимо нас прошли водоносы. Когда они возвращались с полными ведрами, остановились.

— Смотри, лежат и не шевелятся. Приведем их в чувство. — И водонос, не пожалев потраченных трудов, выплеснул на нас два ведра воды.

Оспа очнулась, зашевелилась, подняла голову.

— Ба! Да это Оспа! — сказал один водонос. — Чего она тут валяется? На свалку ее.

— И куклу тряпичную туда же, — подхватил другой водонос.

Мне не хотелось на свалку. Я хотел достать солнце людям, хотел помочь им избавиться от болезней, да и самому нужно было вернуться домой к мастеру Трофиму.

— Оставьте меня! Пустите! — закричал я.

На мой протест водоносы не обращали внимания. Они поволокли меня за ноги.

Оспа не протестовала. Даже слова не услышал я, пока безжалостные водоносы не швырнули нас куда-то вниз. Я упал и стукнулся обо что-то твердое, но моему тряпичному телу ничего не сделалось, только веревки, которыми я был связан, лопнули.

Я поднялся, отыскал Оспу. Она лежала среди сломанных стульев, торчащих диванных пружин, худых сковородок и кастрюль. Лицо у нее было неподвижное. Веки закрыты. «Жива ли она?» — забеспокоился я.

— Оспа? А? Оспа? — окликнул ее. — Как ты там?

Оспа открыла глаза, потухшие, безжизненные. Видимо, она совсем не обрадовалась тому, что не умерла.

— Оставь меня здесь и выбирайся отсюда. Нет у меня больше сил.

— Ты разве не хочешь отомстить Болотной Лихорадке за все твои унижения? — воскликнул я, боясь, что она действительно останется здесь и я ничего не узнаю о солнце.

В потухших глазах Оспы загорелись огоньки.

— Отомстить... Отомщу, — простионала она и с трудом села среди старого хлама.

В ЖИЛИЩЕ КРОТИХИ

И тут к нам подошла старая Кротиха. Она вышла на прогулку со своими малышами и заметила нас среди рухляди. С моей помощью Кротиха перетащила Оспу в свое убежище. Она смазала старой Оспе ушибленные бока муравьиным спиртом, положила компрессы и уложила в постель, прикрыв одеялом.

Оспа забылась сном, и Кротиха увела гулять свое многочисленное семейство. Я сел возле Оспы и стал ждать, когда она откроет глаза. Я хотел наконец узнать от нее о том, что занимало меня больше всего на свете.

Вот больная открыла глаза, и я сразу спросил:

— Скажи, жительница болот, где ваша царица прячет солнце?

Голос у меня дрожал от нетерпения. Оспа убрала со лба седую прядь волос и слабо проговорила:

— Не знаю, тряпичная кукла, не ведаю.

— Как не знаешь?! — подскочил я.

— Сама об этом думаю все время, — продолжала Оспа. — В тайне это Болотная Лихорадка держит.

— А кто знает? — все еще надеясь на помощь Оспы, спрашивал я.

— Никто не знает...

Однако Оспа ошиблась. Были на болоте жители, которые знали, где спрятано солнце. На другое утро я проснулся оттого, что услышал чьи-то тихие рыдания. Я прислушался:

— На кого ты нас покинул, родимый батюшка? Что нам делать без тебя, бедным сиротинушкам? Как жить, как свою беду-горе мыкать?

Посреди землянки, сгорбившись, сидела Кротиха, а вокруг нее, тесно прижавшись к матери, сгрудились кротята. Они тоже подвывали:

— На кого ты нас покинул? Как мы будем жить?

Оспа тоже проснулась и стала слушать причитания Кротихи. Потом подошла и, погладив вздрагивающую спину Кротихи, сказала:

— Что у вас такое стряслось? Поделитесь со мной. Я старая, больная, вреда вам не сделаю, а может, и помогу чем.

— Мой муж, старый Крот, сидит в подземелье. Запрятала его туда Болотная Лихорадка. Вы думаете, что он разбойник какой или грабитель? Нет. Мой Крот добрый, хороший.

— Да за что же его туда? — сочувственно спросила Оспа и опять погладила вздрагивающую спину Кротихи.

— Приказала ему Болотная Лихорадка солнце зарыть, а потом и самого в подземелье заточила.

— Твой Крот знает, где зарыто солнце?! — Я подсел к Кротихе. — Ты, наверное, тоже знаешь...

— Нет, не знаю. Он мне не сказал. Да я и спрашивать не стала.

— Спроси у него. Нам очень нужно.

— Нет, нет, — ответила Кротиха. — Если узнает об этом Болотная Лихорадка, то и меня в подземелье бросит. Дети одни останутся... А вот сам ты можешь спросить. Я каждый день хожу к нему, горемычному. Сегодня вместо меня ты пойдешь к нему.

— Нет! — неожиданно заявила Оспа. — Я на Кротику больше похожа.

Я схватился за шубу, которую уже подала мне Кротиха, но Оспа вцепилась в нее с другой стороны.

— Идите вместе, — помирила нас Кротиха. — У меня вторая шуба есть. Пусть думают, что я пришла с сестрой. Вот шуба, берите...

СОЛНЦЕ НА СВОБОДЕ

Когда мы пришли в подземелье дворца, то увидели, что стражники, поджав под себя ноги, прямо на полу играли в карты.

— А-а-а, к Кроту-ворчуну пришли, — увидев знакомую облезлую шубу, пробурчал рыжий стражник. — Насвидание. Да еще с родичем. — Он открыл дверь. — Шевелись, шевелись быстрее! Только играть мешаете.

Мы прошли, и дверь за нами захлопнулась. Старый Крот, увидев посетителей, двинулся нам навстречу, но на полпути остановился, поднял мордочку и задвигал носом.

Я разглядел узника. Это, конечно, был тот самый Крот, который зарывал солнце. Шерсть на голове у него была подпалена, на боках тоже виднелись подпалины, а на лапах ожоги.

— Крот Кротович, не бойся. Мы — друзья, — сказал я.

Но Крот Кротович догадался, что к нему пришла не верная старая Кротиха, забился в дальний угол и запыхтел.

— Крот Кротович, мы хотим освободить тебя, — сказала Оспа. — Твоя Кротиха спасла нас от смерти. Мы за добро хотим отплатить добром.

— Кто вы такие? — фыркнул Крот. — Знать вас не знаю.

— Я — Оспа, — объяснила моя спутница.

— А я — Петрушка, — тут же добавил я.

— Фу-у-у! — снова фыркнул Крот. — Болезни ко мне явились. Идите прочь.

— Не гони нас, — опять продолжала Оспа. — Я старая больная Оспа. Болотная Лихорадка прогнала меня из собственного дома. Я устала бродить по свету. Я вместо тебя останусь здесь, а ты выходи и покажи вот ему, Петрушке, где спрятано солнце. Так я отомщу болотной царице за ее жестокость.

— Я честный Крот, — задвигал зверек носом. — Я честно прожил всю жизнь и честно умру здесь в подземелье. Я в вашей жалости не нуждаюсь...

Я не знал: то ли уговаривать Крота выйти на свет и помочь нам достать солнце, то ли пожалеть Оспу — не перенесет она это сырое подземелье.

— Я останусь, — решил я наконец. — А вы идите и освободите солнце.

— Не пойду, — упрямылся Крот. — Не хочу, чтоб за меня погибали другие.

— Я старше вас. Вы меня должны слушаться, — потребовала Оспа, потом неожиданно подошла к двери, забарабанила в нее кулаками:

— Эй, стражники, открывайте!

Дверь распахнулась. С неожиданной для нее стремительностью Оспа сначала толкнула Крота, а потом и меня. Не успел я одуматься, как дверь за мной захлопнулась, а стражник, разозленный тем, что ему помешали играть, вышвырнул меня из подземелья. Следом за мной вылетел и Крот.

Крот повел меня к высокой кривой осине, которая стояла, изогнувшись, на краю болота, не очень далеко от башни, где скрывались мои друзья. Зверек подвел меня к дереву и ткнул мордочкой.

— Вот тут копай. Тут зарыто.

Я посмотрел по сторонам. Нашел старый осиновый сук и стал рыть. Крот тоже принялся за дело. Ух, как летела у него из-под лап земля! Как два фонтана. От левой лапы — в левую, от правой — в правую стороны.

Скоро добрались и до солнца. Вот оно. Лежит прямо в сырой земле, маленькое, желтое, морщинистое, как увядший лимон. Я взял его в руки — чуть теплое. Побросал с ладони на ладонь, как оладушек, чтоб осыпались приставшие комочки глины, протер краем рубашки и положил за пазуху. Пусть отдохнет, бедное, согреется. Все эти минуты я не замечал Крота, зато он стоял возле меня, поводил носом и недовольно фыркал. Да, я ему еще спасибо не сказал!

— Благодарю тебя, Крот Кротович. Спасибо.

— Не мне спасибо — Оспе говори. Она осталась в подземелье, погибнет там.

— И ей спасибо, — повторила.

— Вот все они... молодежь... ничего не знают, ничего не умеют. Благодарить и то напомнить надо...

Мне не хотелось слушать воркотню старого Крота. Я попрощался с ним и побежал к башне, где меня, наверное, ждали с нетерпением, обо мне страшно беспокоились.

Кудряш первый увидел меня, позвал Речку.

— Где ты пропадал? — стала выговаривать Речка. — Как в воду канул. Мы уж думали, погиб.

— Э-э-э! — подмигнул я Речке. — Со мной ничего не случится. Я в огне не горю, в воде не тоню и в лесу не пропаду.

— Подождиты... — остановил меня Кудряш. — Речка вправду о тебе беспокоилась. Даже к твоему отцу гонца послала. Воздух Сосновый Чистый Здоровый полетел к нему, на помощь звать, тебя искать, из беды выручать.

«Какой он мне отец?» — подумал я, но в эти хорошие минуты мне не хотелось вспоминать о плохом. Я ничего не сказал, только боднул Кудряша головой в живот, повернулся на одной ножке, запел:

Я нигде не пропаду,
А что надо, то найду
Я Петрушка — не игрушка.
Меня сшил отец Трофим.
Я его достойный сын.

— Да будет тебе! — прикрикнул Кудряш и дернул меня за ух о . — Тут вправду беспокоятся, и радости никакой нет, а он поет да приплясывает.

Речка тоже посмотрела на меня с неудовольствием. Я вытащил солнце из-за пазухи и подбросил в воздух.

— Вот оно, солнце! Вот оно, красное! Смотрите. Я нашел его!

Солнце медленно плыло над кустами, над засохшей травой и жесткой осокой. И под его лучами прямо на глазах менялась природа. Живым Зеленым блеском отливали листья берез и осин. Потянулись к солнцу и заколыхались на ветру тонкие былинки. Под кустом ивняка подняла го-

ловку враз расцветшая голубая незабудка. У стены башни распустились звездочками белые ромашки. Куда-то исчезли низкие серые тучи, плывшие над землей, и над нами засверкало голубое, яркое, точно шелк, небо. Тонкие перистые облака, как белые кружева, возникли в его глубине и, казалось, еще больше оттеняли эту безмятежную синеву.

В ближайших кустах вдруг зазвенели соловьиные трели. Видно, певец соскучился по солнцу, не стал ждать вечера и прямо днем начал свою ликующую песню.

В позеленевшей траве застрекотали кузнечики, и я бы, наверное, бросился ловить их, если бы не заметил чего-то удивительного, что происходило с моим товарищем Кудряшом...

Когда солнце медленно начало свой путь по небу, он только смотрел на него, не шевелясь, потом вдруг закрыл глаза, рукой протер их, снова открыл и провел ладонью по лицу, потом посмотрел на меня. Глаза его были широко открыты, и он, не мигая, глядел на меня, как будто никогда не видел.

— Что смотришь? Не узнаешь, что ли? — спросил я.

— Узнаю, — неуверенно проговорил Кудряш. — Я знаю, мы с тобой солнце искали и нашли.

Он вдруг улыбнулся такой светлой улыбкой, что мне захотелось ответить чем-то хорошим, теплым, но я не успел, потому что взгляд Кудряша обратился к Речке. Повернулся к ней Кудряш, да так и застыл, словно ослепленный.

— Неужели это ты, Речка?

— Я, — отозвалась Речка. — А ты разве меня не видел?

— Не может быть. — Кудряш сделал шаг к девушке и остановился, словно в нерешительности, протянул к ней руки, и руки тоже застыли в воздухе, как будто он не решался дотянуться до нее.

— Речка... Такие только в сказках бывают. Так это ты приглашала меня в подземный дворец? Готов идти с тобой хоть на край света!

Речка, которая прежде не переставала твердить о том,

какой Кудряш хороший, как он ей нравится, теперь смолкла. Только глаза у нее искрились радостью, да на губах играла счастливая улыбка.

Теперь уж ни Кудряш, ни Речка не обращали на меня внимания. «Это я, Петрушка, нашел солнце. Принес его и помог Кудряшу избавиться от темной болезни и полюбить Речку. А теперь они любят друг друга и обо мне забыли, будто я третий лишний».

Почти до вечера плавало солнце в летнем небе, и до вечера не расставались друг с другом мои спутники. Кудряш даже собирал для Речки незабудки.

К вечеру утомленное солнце упало прямо на траву. Я поднял его, унес в башню и уложил в свою сумку — пусть отдохнет, сил наберется.

ВОЗДУХ СОСНОВЫЙ ЧИСТЫЙ ЗДОРОВЫЙ РАССКАЗЫВАЕТ О ГОРОДЕ

Прошло два дня, и однажды мы услышали у себя над головой знакомое пыхтение: «Уф! Фу-фу-фу!» Вернулся наш невидимый друг Воздух Сосновый Чистый Здоровый.

— Фу-ф-ф! И как только люди в городе живут. Терпеть не могу город. Дома — каменные мешки. Ни свободы, ни воздуха, ни радости. Фу-ф! А улицы узкие, пыльные. Ш-ш-ш! — Он выдохнул воздух, как будто хотел показать, какие пыльные улицы и как трудно там дышать.

— Подожди ты... Хватит тебе возмущаться, — остановил я. — Лучше расскажи новости.

— У-фу-фу! В себя прийти не могу. Как можно жить без чистого неба над головой, без приятного шелеста листьев и птичьего пения? Уф! Фу-фу! Смотреть не могу. Собираются люди тесной кучей и толкутся, как комары над болотом, у лавок да на рынке. Фу-фу!

— Да не ругайся ты, Воздух Сосновый Чистый Здоровый. Новости рассказывай.

— У-у-у! Новости там такие... все вверх ногами пошло.

— Как вверх ногами?— удивились мы с Кудряш о м . —Быть не может.

— У-у-у! — загудел Воздух Сосновый Чистый Здоров ы й . — Женщины выбегали на улицу прямо в фартуках. У кого все лицо в муке. У кого нож и грязная картофелина в руках, а одна так прямо со скалкой выскочила. Машет ею, как будто кого по голове стукнуть хочет.

— Солнце! Солнце! — кричит.

Я тоже обрадовался и загудел:

— У-у-у! — Да пробежался по улице, ставни кругом захлопнул. Калитки затрещали, да железо на крыше загрохотало. А собаки морды кверху подняли и завyli: «У-у-у!» Почти так же, как я. Вот весело. Петухи вскочили на заборы, крыльями хлоппали, «ку-ка-ре-ку» закричали. Даже свиньи выставили свои тупые рыла и удивились, откуда на небе солнце появилось.

Строитель Катушка... Его я давно знаю. Он в лес ко мне иногда приходит сосну хорошую срубить на стропила. Я люблю его за удаль молодецкую, за силу да за умение делать все хорошо. У-у-у! Катушка хлев соседу строил. Как увидел, что солнце на небе, посмотрел на него, сказал:

— Здравствуй, милое! — И зубы в улыбке сверкнули. А оглянулся на работу свою, на хлев — аж почернел весь. Столбы вкривь и вкось стоят, стены кособоки, а крыша где провалилась, где горбом торчит. Воскликнул Катушка: — Да неужели это я так работаю? — А потом еще раз сморщился и говорит: — Не потерплю такого позора. Что темная болезнь со мной сделала?! — Ка-ак размахнулся да ка-ак ахнул топором по хлеву... Три бревна вышиб одним махом. А тут уж я ему подсобил — весь хлев повалил, только бревна застучали, будто гром загремел.

— Вот славно! — сказал Катушка, подбросил вверх молоток, поймал его и снова за работу взялся. — Теперь я не для вида буду строить, а прочно, красиво, удобно.

Порадовался я, глядя на него, а потом дальше полетел. Надо же посмотреть, что кругом делается. У-у-у!

Огородник Стручок вместе с братом вышли на улицу с лопатами. Стали показывать на солнце.

— Смотрите, солнце на небе появилось. Теперь уж мы будем работать по-настоящему. Вырастим сочные красные помидоры, хрустящие огурцы, освежающую редиску...

Я пролетел по улице и слышал, как пекарь разговаривал со своим соседом, сапожником.

— Теперь я буду печь хороший, вкусный хлеб.

— Я тоже больше не буду делать обувь для счета. Лучше сшить поменьше сапог, туфель, ботинок, но зато они будут легки и изящны, и каждый, кто носить их станет, помянет меня добрым словом.

Мне, Воздуху Сосновому Чистому Здоровому, было удивительно, как могут люди так поступать. Сшить своему соседу туфли, которые он будет носить и мучиться, или испечь такой хлеб, в котором зубы завязнут или, наоборот, не разгрызешь, и это настолько поразило меня, что я вслух сказал:

— Вот чудачки! Неужели не понимают, что нельзя делать только для счета и для вида?!

— Кто это назвал нас чудачками? — спросил сапожник, оглядываясь по сторонам. — Этоты, наверное, — обратился он к пекарь.

— Нет. Я не называл. Может быть, ты? — повторил вопрос пекарь.

— Нет.

— У-у-у! — засмеялся я и полетел дальше.

Из больницы в это время вышел Главный Врач. Его халат был таким выглаженным и крахмаленным, что блеснул, как снег в декабре. Вокруг него толпились солдаты санитарной армии.

— Слушайте, слушайте! — остановился на крыльце и поднял руку Главный Врач. — Сегодня праздник. Сегодня вновь поднялось в небо солнце, исчезла у нас темная болезнь, которая мешала нам делать все по-настоящему. Теперь мы любую работу будем выполнять с душой, старательно. И давайте попросим прощения у тех, кого мы обидели своим формальным отношением к работе. Я прошу не сердиться на меня за то, что я лечил все недуги касторкой.

— Я тебя прощаю, — сказал строитель Катюшка.

— Я тоже прощаю, — повторил вслед за ним огородник Стручок. — Хотя мне касторка принесла больше вреда, чем Катушке. Я ведь и так худой, а после касторки совсем стал как скелет...

Толпа от больницы двинулась по улице. Всем хотелось посмотреть, что же делается в городе, который излечился от темной болезни. Я летел почти над головой Катушки. Он шел быстрым шагом, а я порхал вокруг него, и, может быть, поэтому строитель стукнулся лбом о деревянный столб.

— Что это такое? — спросил он. — Столб стоит на дороге, и днище на нем от бочки прибито.

— Ты разве забыл? — ответил ему Стручок. — Это наше искусственное солнце. Ученый Гусиное Перо изобрел.

— Ха-ха-ха! О-го-го! — засмеялся я. — До чего людей довела жизнь без солнца. Деревянные кружки вместо него повесили и радуются. Ха-ха-ха!

И Катушка, и Стручок, шедший рядом с ним, стали оглядываться, но, конечно, меня не увидели.

— Ха-ха-ха! — еще раз засмеялся я. — Деревяшки вместо солнца!

Но мой смех и мое восклицание они отнесли к Главному Врачу, который в это время шел по улице и говорил:

— Убрать надо этот столб. Ездить мешает. Пусть отнесут в больницу на дрова.

Огородник Стручок и его брат мигом вонзили свои лопаты в землю, плотник Катушка поднажал плечом — столб накренился и, наверное, тут же упал бы. Но в этот момент с крыльца большого дома, стоявшего напротив, сбежал вниз пожилой человек. Полы его халата развевались, шнурки ботинок волочились по земле, а ботинки соскакивали с ног. Подскочив к столбу, он обнял его обеими руками и крикнул:

— Мое искусственное солнце! Мое. Не дам его трогать. Не дам его ломать!!

— Этот столб мешает в с е м , — мягко сказал Главный В р а ч . — Его обязательно надо убрать с дороги.

Ученый еще крепче прижался к столбу и продолжал:

— Сейчас вы солнце сломаете, а потом дом отберете.

— Конечно, отберем, — дружно выкрикнула толпа. — Пусть у нас будет музей. Пусть все знают историю города: кто здесь жил, кто какими делами славен.

— Об ученом Гусином Пере нужно помянуть, каким он б ы л , — насмешливо прогудел я, и все опять посмотрели на Главного Врача и подумали, что это он сказал, потому что голос у него был таким же густым и басовитым, как у меня...

Из сарая экспонаты торопливо переносили в комнаты и расставляли вдоль стен и у перегородки. Там, где стоял диван, на котором, попивая кофе, совсем недавно лежал ученый и хвалил себя за искусственное солнце, появились бивни мамонта, рог носорога и макеты хижин прадедов горожан...

Кого только не видел я в этот день в городе! У-у-у! Какие люди попадались, — продолжал Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — Да надо было мясника найти. Я полетел к харчевне. Может быть, там встречу его. А вокруг харчевни людей видимо-невидимо. Окружили они низкое строение, как опята замшелый пенек, и внутрь заглядывают. Кто в окно засунул голову, кто в дверях торчит. Любопытно мне стало. «У-у-у», — завыл я и сунулся туда. В низком помещении за длинными столами сидели люди. Ближе всех ко мне оказались Катюшка и Стручок.

— Эй, сюда! — крикнул Катюшка и махнул рукой. И тотчас же, покачиваясь на коротких кривых ногах, подплыло к нему бочкообразное туловище хозяина харчевни.

— Жареную картошку принеси.

— Сию минуту. — Круглая физиономия расплылась в улыбке, а пухлые короткие пальцы выхватили две монеты из рук Катюшки и спрятали их в карман.

Катюшке и Стручку подали пустую сковородку, пахнущую маслом, с крошками картофеля.

— Хватит, — сказал строитель, всем корпусом поворачиваясь к хозяину харчевни. — Прошло то время, когда

мы скоблили пустые сковородки и подбирали крошки.— И, приподнявшись, он накрыл сковородкой голову хозяина харчевни вместе с белым колпаком.

Хозяин присел, чтобы избавиться от сковородки, но Катушка опустил ее ниже, и хозяин харчевни сразу стал похож на белый гриб боровик, когда он только что выбился из прошлогодней хвои и сухих листьев.

— Хватит, — продолжал Катушка. — Кормил нас для вида, а деньги брал. Теперь мы тебя покормим и денег не возьмем. Благодарим нас получше да торопись откусать. Того и гляди твое место займут.

Хозяин упирался.

Катушка и Стручок повели хозяина харчевни к столу, где стояли стаканы с чаем, в которых не было ни сахара, ни заварки.

— Пей.

Волей-неволей хозяину харчевни пришлось проглотить мутную тепловатую воду.

— Нажился, когда мы болели. Теперь наше время пришло угощать тебя. Ха-ха! — И хозяина подвели к другому столу. Здесь стояли тарелки со щами, в которых не было ни мяса, ни капусты, ни картофеля.

— Кушай, дорогой, кушай, — приговаривал Стручок, поднося ко рту хозяина ложку. Строитель Катушка одной рукой держал его за плечи, чтобы не убежал, а другой прижимал к его голове все ту же пустую сковородку.

— Одна ложка. Две ложки. Три ложки, — считали жители города, стоявшие у окна.

— Четыре ложки, пять ложек, — подхватывали счет застрявшие в дверях наблюдатели.

— Я не хочу. Я с ы т, — отнекивался хозяин.

— Ешь на здоровье! — увещевал строитель, подавая ложку за ложкой.

— Накорми его пельменями без пельменей, — советовали от окна.

— Нужно угостить его жареной рыбой без рыбы, — последовало предложение от двери.

— Спасибо. Спасибо. Не хочу, — вертел головой хозяин. — Я больше никогда никого не накормлю для види-

мости, — поднял руки кверху хозяин харчевни. — Я буду готовить вкусно, питательно и дешево.

— Сегодня праздник, — прижал его сковородкой Катюшка. — Открывай свои кладовые, жарь, парь, чтобы всем хватило. Всех на праздник пригласи. И накорми их бесплатно. Сегодня солнце на небе сияет.

— Я... я... я, — возмутился хозяин харчевни. — Я сейчас к мяснику побегу. Он с вами расправится. — Катюшка подмигнул Стручку. Тот мигом принес с соседнего стола блюдо с кашей, вернее, опять-таки воду, в которой плавало несколько просяных зернышек. Хозяин харчевни взглянул на блюдо, затряс головой, икнул и сказал:

— Я все сделаю, как вы прикажете. Сейчас пойду жарить и парить. Всех накормлю и напою бесплатно.

МЯСНИК ТУКТУК

Я нашел дом мясника по громкому блеянию овец и протяжному низкому мычанию коров. Подлетел к дому. Заглянул в окно. «Так и есть — дома», — удовлетворенно свистнул я и мигом влетел в раскрытую форточку.

— Здравствуй, Туктук! — прогудел я.

Поднял голову Туктук, посмотрел по сторонам. Никого не увидел. Подошел к окну, распахнул его.

— Не смотри ты в окно. Это я, Воздух Сосновый Чистый Здоровый, пришел звать на помощь. Нужно выручать Петрушку.

— Я тебе не верю.

— Сейчас поверишь, — сказал я ему, надул щеки, раскрыл рот и выпустил струю воздуха, точно такого же, какой бывает в сосновом бору вечером после знойного летнего дня.

— Пожалуй, правильно, что ты Воздух Сосновый Чистый Здоровый. Ишь, как дышать хорошо. — Туктук блаженно развалился на стуле, и грудью так же вздымалась, как хвойная подстилка, когда из-под нее вылезает плотный гриб боровик. — Только напрасно, Воздух Сос-

новый Чистый Здоровый, ты влетел сюда. Не пойду я на болото.

— Как это не пойдешь? — оторопел я в первую минуту. — Твой сын в беде. Твое дело выручить его.

— Мне своя жизнь дороже. Пойдешь на болото, встретишься с какой-нибудь болезнью и пропадешь... Нет, нет, иди один на болото и выручай своего дружка, коли тебе такая охота пришла.

— Так, значит, не пойдешь?

— Нет. Не пойду.

Он, все так же блаженно откинувшись на спинку стула, вдыхал принесенный мною аромат соснового бора, и это разозлило меня. Я так дунул, что задребезжали стекла в окнах, раскрылась дверца шкафа, и в комнату, махая рукавами, впорхнули две белые рубашки мясника.

— Пойдешь выручать Петрушку? — еще раз спросил я мясника.

Хоть Туктук испугался, но, видимо, решил, что ему ничего не грозит, а рубашки пусть поплавают в воздухе, и опять сказал:

— Нет.

Тогда я дунул так, что он взлетел со своего места и прилип к потолку.

— Пойду! Пойду! — сразу закричал Туктук. — Только на пол меня опусти.

Я втянул в себя воздух, и Туктук плавно опустился на пол, но не на ноги, а на голову.

— Не балуй, — попросил он. — Сказал, что пойду.

И я поставил его на ноги.

И Туктук действительно стал собираться в поход. Сначала он подошел к какому-то ящику, открыл его и начал складывать в карманы брюк какие-то порошки, коробочки. Наполнив карманы, огляделся, подумал. Увидел на вешалке плащ, надел его и снова стал набивать карманы плаща баночками и коробочками.

— У-у-у! — нетерпеливо прогудел я над его ухом. — Дескать, собирайся скорее, а то худо будет.

Туктук взял мешок, положил туда припасов на дорогу, надел охотничьи сапоги, и мы отправились в путь. Я

гудел ему в ухо, показывая дорогу. До башни на краю болота оставалось совсем недалеко, но тут из-за поворота тропы нам навстречу вывернулась женщина в большом сером платке и таком же плаще, почти до пят.

Я думал, что эта женщина испугается здорового мясника и уступит ему дорогу, но не тут-то было. Она хозяйски преградила ему путь и, ткнув в живот пальцем, спросила:

— Ты кто? Что ты здесь делаешь?

Челюсть у мясника трусливо отвисла, зубы вдруг начали выбивать противную дробь. И не своим голосом, заикаясь, он начал объяснять:

— Я трясучка. Я липучка. Я вертучка.

— Кто? — хриплым голосом, но грозно спросила женщина. — И людей вроде так не зовут, и среди болезней таких не встречала.

— Я... я... я... — трясясь от страха, продолжал мясник. Он сунул руку в карман, вытащил коробочку округлыми маленькими пилюлями, бросил их в рот, судорожно глотнул и радостно выпалил: — Я пляска святого Витта.

Что тут стало с мясником! Он закачался из стороны в сторону, замахал руками, как молодая осина ветками в ураган, лицо его искривилось, а ноги стали выбивать дробь. Храбрая женщина, которая только что допрашивала его с таким свирепым видом, отскочила в сторону.

— Я — Ангина, — поспешно прохрипела она. — Атакой болезни — пляски святого Витта — я не видела.

— Я новенькая, только недавно прибыла, — объяснил Туктук, еще сильнее замахал руками и два раза выкинул вперед правую ногу.

— Какая веселая болезнь, — приветливо прошипела Ангина. — Зайдем ко мне. Я живу недалеко.

Она повернула обратно и повела мясника по тропинке. Ангина, ссутулившись, шла впереди, а мясник, боясь, что спутница вот-вот оглянется, продолжал кривляться, нелепо махать руками и выбрасывать вперед ноги. У землянки с чуть выступавшим над землей окошком Ангина остановилась и пропустила гостя вперед.

Я приник к окошку, и мне было видно, как мясник прошел вперед в тесную низкую комнату и как Ангина усадила его за стол.

— Посиди. Сейчас я угощу тебя, — донесся до меня хриплый голос хозяйки, подозрительно завожившейся в темном углу.

Туктук вытащил пакет с порошками, опрокинул два из них в рот и только после этого развязал свой мешок, позвал Ангину:

— Иди лучше моего угощения отведай.

Та подошла и жадными глазами следила, как Туктук вынимает из мешка кусок сыру с застывшими на нем слезинками, круг копченой колбасы и добрую половину окорока. Хозяйка схватила круг колбасы, а Туктук посмотрел во все стороны, увидел у порога ведро. Подошел к нему и по привычке стал мыть руки перед едой. Хозяйка так и застыла с куском колбасы во рту, потом побежала за дверь и заголосила:

— Сюда! Сюда! Человек здесь! Он руки моет.

И не успел я опомниться, как со всех сторон в низкую землянку Ангины сбежались болотные жители. Они навалились на мясника и загалдели все разом. Я попробовал вышибить дверь землянки, но ее крепко держали изнутри. Я решил разметать крышу, но и это мне не удалось. Земля так плотно слежалась, что ее не возьмешь, наверное, ни лопатой, ни ломом. Что делать? Как выручить мясника? Дунул я как следует в окно и ворвался внутрь землянки. Сейчас, думаю, всех разметаю и отца Петрушки выручу. Загудел, зашумел, да не тут-то было. Развернуться негде, тесно силе моей, струи не хватает. Покружился, покружился я вокруг землянки и прилетел сюда к вам. Вы ждете мясника на помощь Петрушке, а на деле вышло, самого его выручать надо.

Воздух Сосновый Чистый Здоровый кончил свой рассказ. Прошло немного времени, как мы услышали чьи-то торопливые шаги. «Кто же это к нам бежит?» — подумал я и выглянул из башни. К нам собственной персоной, опустив голову, бежал мой приемный отец Туктук.

— А-а-а, Петрушка. Ты жив, здоров. — Он протянул

ко мне свои огромные ручки и чуть не задушил в объятиях.

— Сын мой... Петрушка... Как хорошо, что ты на свободе. Мне сказали, что с тобой несчастье. Я бросил все дела и отправился на болото.

— А Воздух Сосновый Чистый Здоровый говорил, что тебя силой заставили идти.

— Что ты! Что ты! Я сам пошел, а твой друг, наверное, просто неправильно меня понял, — проговорил он и оглянулся по сторонам, как будто Воздуха Соснового Чистого Здорового можно было увидеть. А Воздух Сосновый Чистый Здоровый то ли отдыхал после дороги, то ли вылетел из башни в родной сосновый бор, то ли не хотел связываться в этот разговор — не подал голоса.

— Я слышал, тебя Ангина поймала? — спросил я.

— Что мне Ангина! — небрежно отмахнулся Туктук. — Вон я какой богатырь. Я двинул плечом, раскидал всех ее соседей, да и был таков. — Туктук воинственно помахал руками, огляделся и в этот момент увидел Речку. Он даже замер от восхищения.

— Чья такая? — указал он на девушку глазами.

— Я — Речка, дочь морского царя, — ответила девушка, не дожидаясь, пока я что-нибудь скажу. — А это мой жених. — И она взяла Кудряша под руку.

— Да, она моя невеста, — подтвердил Кудряш.

Мясник недовольно сдвинул брови, сморщился. Я понял: ему не по душе, что у Кудряша такая красивая невеста. Еще когда я жил в городе, часто слышал, как приемный отец говорил, что все лучшее должно всегда принадлежать ему, так как он самый богатый в городе, а потому самый главный. Но Туктук на этот раз ничего не сказал, только спросил меня:

— Говорят, ты солнце достал. Правда это?

— Достал, — сказала.

— Не верится что-то, покажи.

Я развязал свою сумку, показал желтое сморщенное солнце и объяснил:

— Оно ослабло, пока лежало в земле, и теперь не может долго держаться на небе. Днем еще кое-как плы-

вет, а вечером падает. Мы его подбираем и здесь, в башне, храним. А то как бы опять болезни не схватили.

— Неосторожно вы поступаете, неосторожно. Выпускаете его близко от болезней. Лучше в город его отнести. У меня в доме пусть сил наберется, там просторно и тепло.

Совет мясника мне показался дельным, и я предложил:

— Давайте, правда, сделаем так: пойдем в город, а там подождем, когда окрепнет солнце, и выпустим его на небо. Как бы, вправду, болезни его не отняли.

Все согласились.

Возвращались мы быстрее, чем шли на болото: домой, говорят, всегда ноги быстрее несут, чем из дома. Кудряш шел рядом с Речкой, а Речка держалась за его руку, и глаза ее были ясные и мечтательные. Воздух Сосновый Чистый Здоровый летел, благоухая, над ней и изредка гудел, чтобы показать, что тут он, рядом. Мясник шел сзади всех. Лицо его было мрачное, губы что-то шептали про себя. То ли он ругался, то ли думало о чем-то неприятном. Брови были насуплены, и глаза из-под них сверкали зло. Но я не обращал на это внимания. Я думал о том, как мы придем в город, как солнце окрепнет и расправятся люди с болезнями, а я поеду к себе в родную кукольную страну, к отцу, мастеру Трофиму, по которому очень соскучился.

Последний привал сделали недалеко от города. Идти до него осталось, примерно, один день. На ночь, как всегда, разожгли костер и тихо улеглись. Все молчали. Каждый думал, как завтра выпустим солнце, как нас встретят люди, как самим нам завтрашний день принесет большое счастье.

Но счастья этот день нам не принес. Едва я утром проснулся, как сразу заметил, что с нами нет приемного отца. Сначала это меня не очень встревожило. Наверное, встал пораньше и отправился за хворостом — костер разжечь.

Поднимаясь по утрам, я всегда проверял, как чувствует себя солнце, не остыло ли за ночь, не промокло ли от

холодной росы. Так и на этот раз. Потянулся за сумкой, а ее нет. Где же она? И тут меня осенило.

— Туктук солнце украл! — закричал я. — Украл наше солнце.

— Ах! — вскрикнула Речка и залилась слезами. — Он украл солнце, и теперь Кудряш никогда не станет хорошим человеком. Не будет любить меня и не пойдет со мной во дворец морского царя.

— Негодяй Туктук. Надо отобрать у него солнце, — сказал Кудряш, и сказал только для вида, так как продолжал сидеть, не сделал ни шага, чтобы догнать мясника, и не предложил ничего.

— Пойдите! — загрохотал Воздух Сосновый Чистый Здоровый, которого расстроили слезы племянницы. — Я догоню его и отберу у него солнце.

Закачались вершины сосен, зашумела трава под ногами, засвистело в ушах — и все стихло.

— Умчался, — сказали товарищам.

— Солнце полетел отбирать, — проговорила Речка.

И мы тронулись в путь.

Мы еще не успели дойти до города, как Воздух Сосновый Чистый Здоровый прилетел обратно, не загудел, как всегда, а печально вздохнул и застучал сухими ветками осин.

— Что, Воздух Сосновый Чистый Здоровый, — спросил я, — не удалось достать солнце?

— Не удалось, — печально, как эхо, ответил невидимый друг. — Хитер твой приемный отец, Петрушка. С ним так просто не сладишь. Ведь что выдумал. Пришел в город рано утром, людей всех поднял. Главного Врача вызвал и кричит:

— Я солнце достал. Принес его. Теперь все вы должны мне подчиняться. И санитарная армия будет служить только мне.

— Не будем, — заволновались каменщики. — Мы не хотим тебе подчиняться.

— Не будем! — громче всех закричал Катушка.

— Не будем! — поддержали его огородник Стручок и его брат.

— Не будем! — все вместе подхватили жители, а Главный Врач так и сказал:

— Ты не сможешь санитарной армией командовать. Ты о болезнях ничего не знаешь.

— Ах вот как! — подбоченился Туктук. Усы подкрутил, волосы пригладил. — Раз мне подчиняться не будете, так и солнца не увидите. Спрятал я. Ни одна живая душа не найдет.

Жители города окружили мясника, зашумели, загалдели. Строитель Катюшка выдернул из забора кол и занес над головой мясника. Стручок и его брат выворотили из мостовой по булыжнику. Их соседи, те, кто рядом стоял, тоже схватились кто за камень, кто за дубину.

И тут раздался голос Главного Врача:

— Стойте! Пусть командует. Самое важное сейчас — солнце сохранить...

Я узнал все это от сапожника, который рассказывал своей жене и объяснил, почему теперь мясник Туктук будет в его доме распоряжаться, как в своем собственном. Сначала я разозлился, хотел лететь к дому мясника разнести его, по бревнышку раскатать, по дощечке раскидать, но решил прилететь сюда. Что теперь делать будем?

— Я пойду к мошеннику! — воскликнула Речка. — Отберу у него солнце.

— Я тоже с тобой! — подхватил я.

— Я тоже... — вяло добавил Кудряш. Он привык следовать за нами, и теперь ему не хотелось отставать.

РЕЧКА В ПЛЕНУ

Мы подошли к дому мясника, и я в первый момент даже не узнал его. Стены были покрашены в голубой цвет. Над крыльцом трепыхался на ветру зеленый флаг с нарисованными на нем коровой с кривым тупым рогом и кудрявым бараном. По ступенькам крыльца прямо на улицу спускалась ковровая дорожка, та самая, по которой когда-то шагал с искусственным солнцем Гусиное Перо. Два дюжих молодца, которых я прежде никог-

да не видел, с дубинками в руках стояли по обе стороны двери, а на ступеньках крыльца замерли солдаты санитарной армии в белых халатах, в белых колпаках. В руках они держали бутылки с лекарствами, и на каждую бутылку был надет распылитель.

Мы хотели войти в дом, но солдаты санитарной армии загородили нам дорогу. На их стук в дверь на крыльцо вышел мясник Туктук. Высокая баранья шапка, как корона, торчала на его голове. На плечи был наброшен темно-синий плащ, расшитый золотыми звездами. В руках мясника вместо королевского жезла, символизирующего власть, красовался обычный ременный кнут, которым погоняют лошадей, но отличался он от других тем, что привешены были к нему три бумажных цветка и розовая лента.

— Мошенник! — закричала Речка. — Отдавай солнце. Зачем ты украл у нас?

Мясник не стал ничего объяснять. Он тут же приказал своим телохранителям схватить меня, Речку и втащить в дом. Беднягу Кудряша толкнули в шею и прогнали прочь.

— Ну, вот ты и у меня, дочь морского царя, красавица Речка. — Мясник сдвинул на затылок баранью шапку, в которой ему было жарко, и жестом руки указал девушке на стул. Широкие рукава халата метнулись из стороны в сторону.

— Ты будешь жить в моем доме и станешь моей женой. — Туктук показал крепкие ровные зубы в улыбке и подошел к ней поближе.

— Женой? Но я не люблю тебя, — возмутилась Речка.

— Я — самый главный в городе. — Туктук сел рядом с Речкой, пригладил усы. — У меня все должно быть самое лучшее. Ты украсишь мой дом. Одни покупают ковры и потом хвастаются, что у них стены красивы, другие покупают книги, ставят их в шкаф и говорят: «У нас такие, каких больше нигде нет», — хотя сами этих книг не читают. Третьи заставляют весь дом стеклянными вазами, статуэтками, фарфоровыми балеринами и тоже кичатся:

«У нас кругом хрусталь и фарфор»... А у меня будет красавица жена, дочь морского царя. Это так подходит к моей должности.

— Но я люблю Кудряша, — начала объяснять Речка. — Я без него жить не могу.

— Кудряш? — пренебрежительно рассмеялся Туктук. — Что у него есть? Только книги с пустыми страницами. А сам он каков? Ни красы, ни силы. То ли дело я: и собой хорош, и силой меня природа не обидела. Как раньше богател, так и теперь богатею. — Туктук поднялся, встал перед ней, распрямил свои крутые плечи, вскинул голову и гордо улыбнулся: — Разве не хорош? Или я тебе не нравлюсь?

— Я не люблю тебя, — повторила Речка и отвернулась.

— Тогда в той комнате посиди да подумай. — Туктук сделал знак рукой, и двое слуг увели Речку в комнату и заперли на замок.

— И его тоже... Вон туда, — Туктук указал пальцем на чулан. Слуги схватили меня, но Туктук успел уже передумать.

— Постой, ты со мной останешься. Всегда будешь у меня под рукой. Слуги у меня здесь такие: то полотенце подадут нестираное, то суп недосоленный сварят, то пол кое-как вымоют.

Я стоял молча. Если хочешь узнать, где спрятано солнце, нужно слушаться. Я мыл полы, варил обед, когда Туктук хотел есть, пел песни, когда ему приходила охота повеселиться. Он всюду брал меня с собой. Даже когда заставлял меня прибираться в комнате Речки, то неотступно следил за мной карими волчьими глазами. Собираясь спать, он приказывал мне ложиться возле и стеречь его сон. Я выполнял это. Но зато если мясник, улегшись в кровать, легко засыпал, то я долго вслушивался в звуки, доносящиеся с улицы или из комнаты Речки. И однажды подслушал ее разговор с дядей, Воздухом Сосновым Чистым Здоровым.

— Долго ты будешь сидеть здесь, горе мое горькое? — прошелестел, как листья в осеннем лесу, Воздух

Сосновый Чистый Здоровый. — Уходи из дома этого мясника. Он труслив, как заяц в лесу. Когда Ангину встретил на пути, сразу притворился болотным жителем. Даже затрясся весь. А зол-то, как голодный волк. Так смотрит на всех, будто вот-вот проглотит.

— Ушла бы я, — зажурчал ручейком тихий голос девушки. — Так соскучилась по траве лесной, по веселым лужайкам, по ивам плакучим, которые водой моей умываются, по небу над головой, да нельзя. Должна я узнать, где солнце прячет Туктук. Хочу, чтоб оно было на небе. Хочу, чтоб Кудряш любил меня по-настоящему. Вчера проходил мимо окон, даже головы не поднял, не взглянул. Я чуть не заплакала.

— И долго ты здесь будешь?

— Не знаю. Не уйду, пока солнце не отниму.

«И я тоже не уйду», — подумала про себя.

— Ну, что ж, прощай. Хоть бы скорее ты солнце нашла, — прошелестел Воздух Сосновый Чистый Здоровый, и опять мне показалось, будто светлые осенние листья на ветру прошумели. — Полетеля.

В комнате стукнуло окно. Видно, Речка проводила своего дядю и опять прожурчала:

— Прилетай ко мне почаще. А то скучно мне здесь.

День начинал мясник Туктук с посещения Речки. Я ставил на стол завтрак и слушал его очередное увещание:

— Выходи за меня за муж, — говорил Туктук. — Чем я тебе не нравлюсь? Я богат и красив. Я уже глава города, и ты вместе со мной будешь управлять им.

— Нет, — отвечала Речка. — Не нравится мне твой город.

— Чем же плох наш город? — Мясник подходил к окну и подводил к нему Речку. — Смотри: и улицы есть, и мостовые есть, и трубы дымят...

— Солнца нет в небе, — говорила Речка. — Зелени нет, цветов, не шумит трава, не качаются деревья.

— Ах, ты хочешь, чтоб у меня в городе цвели цветы, шумели травы и качались на ветру деревья. Будет сделано. Для меня твое желание — закон.

На следующий день, когда мы зашли к Речке, она уже стояла у окна. Я подошел к ней и тоже посмотрел в окно. Ровной белоствольной шеренгой шагали вдоль улицы стройные березки. Около их гладких стволов привста-ли низенькие кудрявые елочки. Прямо под окном вдоль всей улицы образовались клумбы, на которых распусти-лись розовые мальвы, алые маки, желтые и оранжевые тюльпаны.

— Любуешься? — Подошел к окну Туктук и отшвыр-нул меня от Речки подальше. — Вчера еще ничего не бы-ло, а сегодня по твоему желанию, как по щучьему веле-нию, все исполнилось.

— Зеленый город — это очень хорошо. Мне очень нравится, — сказала Речка и распахнула окно.

Выглянув из-за ее спины, я заметил что-то странное. Над клумбами не вились шмели и пчелы. Сюда, в комна-ту, не доносились ни запахи гвоздики и резеды, ни аро-мат белого табака. Березки тоже мне показались какими-то грустными, ветки у них печально опустились, и лис-точки были словно неживые.

«Что за обман устроил Туктук? — размышлял я. — Ведь не мог же он в самом деле за одни сутки вырастить березовые аллеи, насадить ели и разбить такие большие клумбы?»

— Теперь выйдешь замуж? Видишь, что я все для тебя могу сделать.

— Верно, — ответила Речка, — да только мало для счастья посадить цветы, вырастить деревья. Нужно солн-це на небе. Нужно, чтоб дома у людей были удобные, теп-лые, просторные, чтоб все были сытые, веселые.

— Хорошо, — опять покорно согласился Туктук. — Выполню я твое желание. Будут у меня в городе краси-вые дома, будут у людей сыры и колбасы, будут все сы-ты, здоровы и веселы.

«Что еще придумал этот хитрый Туктук? — забеспо-коился я. — Как выполнит эти желания Речки?» Но выбраться из дома, чтоб посмотреть, что делается на ули-це, мне так и не пришлось. Замучил меня мясник ра-ботой...

Наутро, как всегда, явились мы снова к Речке. Я с завтраком. Туктук с приветом.

— Ешь, — сказал он, — да пойдем. Полюбуешься, какие дома у жителей. Каковы у них запасы.

Речка и есть не стала, так захотелось ей прогуляться.

— Пойдем, — говорит.

Пошли они по улице. Впереди идут, рядышком. С боков четыре солдата санитарной армии топают. Никому близко к Речке подходить не дают. За ними я следую. За мной целая толпа жителей. Всем интересно на Речку посмотреть.

Взглянул я на город и не узнал сразу. Что же здесь изменилось? Прямо передо мной дома стоят светлые, высокие. Стены у них голубой, розовой и желтой краской выкрашены. На коньках крыш резные петушки и вертушки крутятся. Между ними заборы из теса свежего. Что такое? Неужели Туктук волшебник какой?

Улучил я минуту. Шагнул в сторону и дотронулся прежде всего до березки, что печальнее других мне показалась, и листья сильнее, чем у других, пожелтели, нагнул ее, а она и упала. Батюшки! Да ее в лесу недавно срубили. Привезли в город и воткнули в землю. Пусть красуется для вида. Подошел к клумбе и тоже удивился. Трава и цветы из бумаги вырезаны. А дома-то, дома... Ну и хитрец Туктук! Фасады приказал из картона вырезать, раскрасить и перед домами поставить. Даже и о занавесках подумал — на каждом окне приказал нарисовать где тюлевую, где ситцевую, цветастую. А бедная Речка идет, любитесь и не чувствует, что все сделано для вида. А Туктук ну прямо соловьем перед ней заливается:

— Я город озеленил. Дома просторные построил. Люди будут счастливы и довольны. А лавки посмотри какие... Колбасы висят в них круглые. Окорока розовым жиром отсвечивают. Сыры плачут слезами прозрачными. Не житье У нас — рай...

А я дотронулся до такой витрины: и сыры, и колбасы, и окорока на тех же кусках картона нарисованы разноцветными красками.

И тут подошел я к Речке сзади и шепнул:

— Не верь. Здесь все для вида. Ничего настоящего нет. Цветы — бумажные. Фасады домов — картонные, и сыры тоже.

— Спасибо, Петрушка, — тихо ответила мне Речка и громко обратилась к мяснику: — А можно мне в дом к кому-нибудь зайти? Посмотреть, как живут люди в счастье, довольстве и радости.

— Устала ты, Речка, устала. Домой скорее пойдём, — сказал Тук тук. — Вследующий раз...

И увел скорее Речку обратно в дом.

СНОВА АНГИНА

Ты знаешь, Кудряш, Речка любит тебя больше всего на свете: и во сне, и наяву она думает только о тебе, — сказал мясник Кудряшу.

Тот стоял, прислонившись к двери. Вызвавший его мясник, важно подбоченившись, исподлобья смотрел на Кудряша и продолжал:

— А Речка должна любить только самого лучшего человека, самого храброго, самого достойного; и ты должен стать самым храбрым, самым достойным.

Кудряш, не шевелился и не перебивал мясника. Я тоже слушал и не мог понять: к чему клонит мясник? А тот говорил:

— Чтоб стать самым достойным, ты должен совершить героический подвиг. Ты пойдешь на болото и уничтожишь его жителей.

— Я? — Спина Кудряша отделилась от двери, и он как-то подался вперед. — Я не справлюсь с болезнями. Я один ничего не сделаю. Я не пойду.

— Ты должен пойти. Это твой долг. Ты покажешь этим любовь к своему городу. И все жители будут чтить тебя как героя, а Речка станет твоей женой.

— Я не пойду, — отрезал Кудряш. — Я сказал, что не справлюсь, и не приставайте ко мне.

— Ах, ты не пойдешь! — Голос мясника грозно загремел: — Стража! — Мясник топнул ногой — три солдата санитарной армии тотчас явились на его зов.

— Возьмите его. Бросьте на болото.
— Я пойду с ним, — подошел я к мяснику. — Болезни его одолеют, и он ничего не сделает...
— Прочь! — мясник отшвырнул меня в сторону.
Солдаты санитарной армии взяли упирающегося Кудряша за руки и увели.
— Он погибнет! — крикнул я.
— Туда ему и дорога, — ответил мне мясник. — Тогда Речка полюбит меня и станет моей женой, а я буду не только главой города, но и родственником морского царя.
— Это подло... послать человека на гибель!
— Молчи! — остановил меня Туктук. — Будешь шуметь, разрежу на куски и выброшу.

* * *

Я мыл посуду и, чтобы не было скучно, пел:

Я Петрушка — не игрушка,
Меня сшил отец Трофим,
Я его веселый сын.

И каждый раз, когда повторялось слово «Петрушка», я подбрасывал вверх то вилки, то ложки, а иногда, поглядывая по сторонам, и алюминиевые тарелки. Они весело звенели, и это тоже забавляло меня. Но тут в этот знакомый звон вплеся новый звук: кто-то как будто стучал палкой по крыльцу. Потом на улице зашумели. Я выглянул в окно. Что там такое?

Три солдата санитарной армии, которые день и ночь несли караул у дома мясника Туктук, загородили дорогу старой женщине. Она постукивала батоном по крыльцу и, подняв к двери безбровое лицо, гнусавила:

— Пропустите меня к главе города. Я хочу его просить о помощи.

— Кто ты такая? Куда идешь? — удерживали ее солдаты санитарной армии. — Может быть, ты жительница болот?

— Что вы? Что вы? Смеетесь над жалкой старухой. Я слепа. Дочь у меня больная. Нам есть нечего. Я пришла к главе города за милостью.

Мне показался знакомым этот хриплый дребезжащий голос и безжизненное круглое лицо без бровей. Но кто она, я так и не мог вспомнить.

— Иди, иди сюда, бабушка. Дай я тебя проведу к главе города. А вы пропустите ее, — бросил я солдатам санитарной армии.

Постукивая батошкой, опустив голову, просительница в длинном черном платье и в сером шарфе вошла за мной в прихожую.

— Сюда, бабушка. Сюда. — И я открыл перед ней дверь в горницу.

Посреди горницы перед зеркалом любовался своей особой мясник Туктук. Он примерял новый костюм, проверял лацканы пиджака, разглаживал широкие взлет брови, подкручивал усы и улыбался сам себе. Новот в зеркале рядом с его лицом появилось изображение просительницы, и тотчас слетела с лица мясника самодовольная улыбка, в глазах отразился испуг, а усы сами собой поникли.

«Чего он испугался? — промелькнуло у меня в голове. — Старушки этой, что ли?» А Туктук повернулся к женщине и выставил вперед руки, как будто защищаясь от нее. И старуха на моих глазах преобразилась. Она швырнула в сторону батог, выпрямилась, открыла покрасневшие глаза и ехидно спросила:

— Что, не узнаешь? Или забыл меня?

— Нет, нет, — затряс головой Туктук. — Откуда ты? Я тебя не знаю. Кто тебя пустил?

— Короткая же у тебя память, дружок, — насмешливо прохрипела женщина. — Или забыл, как в ногах валялся, когда я тебя сцапала. Помнишь, как руки мыл в ведре. Прикинулся болезнью. Думал, что обманешь меня...

— Не было этого. Не было! — Туктук отступал от женщины, а она медленно надвигалась и все продолжала:

— Даже имя мое знать не хочешь. Ангина меня зовут, Ангина.

И тут я вспомнил мороженщицу, а она продолжала:

— Стоял перед нами на коленях. Умолял: «Пощадите меня. Я все сделаю. Я вам солнце достану. Вам в руки отдам».

— Прочь! Я здесь хозяин, — пришел в себя, наконец, мясник. — Я глава города. Мне все подчиняются. Крикну: тебя в шею выгонят и собак на тебя натравят. Уходи!

«Молодец», — похвалил я мысленно мясника.

— Ишь расхрабрился, индюк надутый. У усатого таракана больше ума в голове, чем в твоём пивном котле, что на плечах сидит. «Прочь! Я здесь хозя-яин», — передразнила она его, уперла руки в бока и рассмеялась. — Да знаешь ли, что через два дня здесь Болотная Лихорадка будет и все свое войнство приведет. На всех жителей хворь напустим, а на тебя самого первого.

И как только мясник узнал, что болезни вот-вот выступают в поход, вся храбрость его мгновенно улетучилась.

— Не губи меня, Ангина. Выполню я свое обещание. Своему слову я хозяин. Отдам солнце болезням. Только меня не трогайте.

— Не смей отдавать! — крикнул я. — Не ты его достал. Мы достали.

— Молчи, щенок! — скривился Туктук, и усы его уставились на меня, как пики.

— Давай сюда солнце. Где оно у тебя, — требовала Ангина.

— Сейчас скажу... Сейчас. Оно... оно... у меня в чулане. В мешке висит.

— Веди в чулан. Живо! — Ангина схватила мясника за рукав нового пиджака и рванула за собой. Он угодливо бросился показывать ей дорогу.

— Врешь! Не возьмешь! — схватил я Ангину за плечи. — Это наше солнце! На помощь, люди! Сюда!

Но на помощь никто не пришел, а мой приемный отец, вместо того чтобы помочь мне повалить Ангину, сам набросился на меня.

Вместе с Ангиной они завернули мне руки за спину, сунули в рот салфетку со стола, чтобы не слышно было моих криков, и стали совещаться, что же со мной делать.

— Он нам помешать может, — хрипло прошипела Ангина. — Убить его надо.

— Его не убьешь, — объяснил мясник. — Он — тряпичная кукла.

— Тогда спрячь куда-нибудь, чтоб молчал.

— Куда спрятать? — Туктук завертел головой, оглядывая комнату, отыскивая для меня подходящее место.

— Во-о-т сюда его, — подбородком указал он Ангине. — В этот сундук.

Вдвоем с Ангиной они подтащили меня к окованному железом сундуку, где мясник хранил долговые расписки, впихнули туда, прикрыли крышкой, и для верно-

сти мясник топнул по крышке ногой так, что гром раздался. Потом щелкнул замок сундука. Я кусал губы от бессилия и злости, кричал, бил кулаками по крышке и стенкам сундука, но все было тщетно.

БУМАЖНАЯ ПОСТЕЛЬ

Когда злость и досада немного улеглись, я успокоился и перестал тревожиться за свою судьбу. Конечно, мяснику без меня как без рук. Ведь никто в городе не может выполнять его задания, как я. Вот вчера, например, две новые поварихи вместо сахара подали на стол соль. На вид-то соль и сахар совсем одинаковые. Мясник положил в чашку целых три ложки, хватил глоток — и дух захватило. Смехота, да и только. Или: отдал рубашку прачке, чтоб постирала. Надел он чистую рубашку, чтоб к Речке идти. Глядь, а воротничок-то весь черный да желтый. Срам один. Пришлось мне перестирывать рубашку.

Надо только подождать, он сам выпустит меня. А уж как выпустит — тут пора уходить. Солнце теперь у болезней, и я ему не слуга. И Речка вместе со мной уйдет. Ей тоже больше делать тут нечего. И, успокоив себя, я решил, что лучше всего пока поспать. Улегся на жесткое дно сундука и закрыл глаза. Но уснуть сразу не пришлось. Все-таки жесткие доски — не мягкая постель. Я стал ощупывать дно, и руки наткнулись на ворох бумаг. Что это может быть?..

«Ага-а, — рассмеялся я. — Вот те бумажки, за которые я гнул спину у сапожника, таскал камни у каменщика, мыл посуду у хозяина харчевни и прямил гвозди у строителя Катушки. Я не дам тебе воспользоваться моими трудами».

Я с радостью стал рвать долговые расписки. Словом, когда я кончил эту работу, у меня была прекрасная мягкая постель. Я свернулся калачиком и уснул.

Проснулся я оттого, что в лицо мне ударил яркий дневной свет. Открыл глаза, хотел вскочить, но меня буквально пригвоздил к месту яростный визг мясника:

— Разбойник! Тряпичное чудовище! Ты порвал все долговые расписки, и я теперь не помню, кто, когда и чего должен отдать.

Мясник склонился над сундуком и схватил наугад мелкую бумажонку.

— Мой мед! Мое мясо! Мои бараны! Мои телята! Все пошло прахом из-за тебя, разбойник.

Я хотел выскочить из сундука и убежать от приемного отца, но не успел. Сильные руки главы города вцепились в мои рыжие вихры.

— Стой, грабитель. Ты у меня дорого заплатишь,— завыл о н . — Сюда, мои помощники! Скорее!

Хлопнула дверь, и в комнату ворвались двое дюжих молодцов, которые когда-то схватили Речку. Они связали мне руки, ноги и бросили на пол.

— В море его. Пусть Петрушка исчезнет навсегда. Пусть не будет о Петрушке даже памяти, — приказал мясник и добавил: — Камень привяжите потяжелее.

Один схватил меня за связанные руки, другой взялся за ноги, и понесли к морю. Там привязали к моим ногам тяжелый камень и, размахнувшись, швырнули в воду.

— Буль-буль! — всплеснули морские волны.

— Ши-ши-ши! — прошуршал песок, когда на него набежала прощальная волна.

— А-а-а! — закричала одинокая чайка, взмахнув крылом.

И все затихло.

Волны накрыли меня с головой. Тяжелый камень потянул вниз, и я мягко опустился на скалу, покрытую скользкими водорослями.

«Ну вот, и кончилась моя жизнь», — печально подумал я, вспомнил родную страну, мастера Трофима и заплакал от жалости к себе.

Мимо проплывали золотистые рыбки, тарасили на меня большие выпуклые глаза, и я завидовал им: они были свободны и могли плыть, куда хотели. Прополз, таща за собой свой домик, рак-отшельник, пошевелил клешнями перед моим носом и медленно заковылял дальше. И

ему я позавидовал: хоть тихо, но движется, не лежит неподвижно, как я. Закачалась надо мной длинная темно-вишневая лента водоросли, и ей я позавидовал. Поколышется она по воде, и когда-нибудь сорвется со своего места, и поплывет к земле, к людям. Я плакал и не вытирал слез: это было бесполезно. Ведь все равно они были такие же соленые, как окружающая вода.

Потом я закрыл глаза, чтобы не видеть ничего вокруг, и вдруг почувствовал, как кто-то крепко схватил меня за плечо и поволок вверх. Но поднять, видимо, не хватило сил. Слишком тяжел был камень, и тогда передо мной сверкнул нож. Кто-то обрезал веревки, которыми ко мне был привязан камень, и я пробкой взлетел вверх.

«Что же это такое? Кто это меня схватил?» — испугался я. А когда всплыл на поверхность, то увидел рядом с собой знакомое лицо строителя Катужки.

— Катужка! Это ты меня спас?

— Я, я. Давай руки, ноги освобожу. — Тем же ножом он разрезал путы на моих руках и ногах, и я засмеялся от ощущения счастья.

— Ура! Не погиб Петрушка! Будет жить на земле!

Но Катужка не дал мне вдоволь порадоваться своей свободе.

— Скорее. Меня Речка послала. Я бы сам при этой болезни додуматься не смог. А она сказала, что тебя бросили в море. Беги к городским воротам. Она ждет тебя. Вместе пойдете солнце доставать.

ПОХОД

Я нашел Кудряша и Речку на краю болота. Они сидели на пне под высокой сосной. Речка внимательно и с жалостью смотрела, как Кудряш, подперев ладонью подбородок, безразлично обводил глазами и дальний край болота, и невысокий сосняк в стороне, и расцветшую у него прямо под ногами звездочку красной гвоздики.

— Я з н а ю , — ласково говорила Р е ч к а , — тебя мясник Туктук выгнал из города. Послал одного бороться с болезнями. Но одному не справиться. Нам надо позвать моего

дядюшку, Воздуха Соснового Чистого Здорового. Он нам поможет.

— Здравствуйте! А я вам не помогу? — сказал я, неожиданно выросши перед ними.

Кудряш улыбнулся для вида, но в глазах у него не появилось ни улыбки, ни радости. Зато Речка прямо просияла.

— Пришел! Друзья собираются вместе! — выкрикнула она, откинула косы за спину, прижала руки ко рту, и раздалось звонкое: — Ау-ау! Дядюшка любимый, иди сюда!

Мне показалось, что сразу запахло сосновой смолой и земляникой, но никого не было слышно. Речка опять приложила руки ко рту и снова зааукала:

— Ау, дядюшка! Слышишь ли ты меня?

— Не кричи, племянница. Я здесь. Привет, друзья! Рад видеть вас: и тебя, Кудряш, и тебя, Петрушка.

— Здравствуй, Воздух Сосновый Чистый Здоровый! Ты всегда помогал нам. Выручи и на этот раз. Идем мы с болезнями сражаться. Помоги нам. Они опять солнце отняли. — И я рассказал о том, что Туктук отдал солнце Ангине, что болезни сегодня идут в поход.

— У-у-у! — загудел Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — Я этого не потерплю. Я с болезнями расправлюсь. Будут они меня помнить.

— Один? — засомневался я.

— У-у-у! — загудел невидимый друг. — Я ли не молодец, я ли не удалец. Я все могу. Прощайте. Ждите меня тут.

Застучали ветви деревьев, зашелестели листья осин, закачалась болотная осока — и все стихло, и лишь видно было вдали, как гнутся кусты ивняка да чахлые низкие березки. Это пролетел мимо них наш друг, Воздух Сосновый Чистый Здоровый.

Долго-долго тянулся для нас этот день. Мы почти не разговаривали. Речка мечтательно смотрела на Кудряша. Кудряш все такой же безразличный ко всему сидел на пне и не двигался. Я тоже молчал. Сколько мы сидели, я не мог определить. Было бы солнце, я бы сказал,

что сейчас полдень, и оно в зените, дает короткую тень. Был бы вечер — что оно склонилось к западу и готовится отправиться на ночной отдых. А так весь день над нами висело серое низкое небо. Наконец снова над нами загудели верхушки сосен, зашелестели листья осин, и пригнулась трава.

— У-у-у! Здравствуйте. Здесь я. Еле добрался, — слышали мы нашего друга, Воздуха Соснового Чистого Здорового.

— Рассказывай! — завертелся я волчком на месте.

— Говори скорее, дядюшка. Справился с болезнями? Где солнце?

— У-у-у! Больно ты быстрая, — прогудел Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — Сразу тебе и солнце подавай, и с болезнями расправься.

— Говори быстрее. Говори! — От нетерпения я стал подпрыгивать на траве, как боевой петух.

— Прилетел я, — начал Воздух Сосновый Чистый Здоровый, — как раз вовремя. Собрались в поход болотные жители. Комары, мошки, мухи над ними тучами выются. Снует между своими подданными Болотная Лихорадка и только покрикивает:

— Берите, все берите. Вот правильно, — похвалила она Ангину, которая несла вазу. — Дотронется женщина в городе до вазы, а там микробы. Вот и хворь к ней пристанет. А ты игрушки взяла — тоже хорошо, — похвалила Болотная Лихорадка соседку Ангину. — Дети за игрушку сразу схватятся. А как дотронутся — так готово: сразу заболеют.

— Мы все взяли! Мы готовы! — раздались нестройные голоса.

— Вперед! — Царица болот подняла над головой вместо знамени свой шарф, в который раньше прятала лицо, и двинулась вперед.

— Сюда! Вправо! — закричала она.

И тут настала моя очередь.

— Влево! Ау! — распорядился я.

Во влажном воздухе слова звучали гулко, и мой голос казался похожим на голос Болотной Лихорадки.

— Сюда идите, влево! Здесь путь короче, — надрывалась Болотная Лихорадка.

— Вправо! Вправо! Вот сухая тропинка! — раскатывался по болотной равнине мой голос. И хотя он казался похожим на голос Болотной Лихорадки, но был громче, сильнее. У меня получалось так, что моя команда доносилась до каждого.

— Куда несетесь? Куда, дубовые головы? — визжала владычица болот, увидев, что ее подданные, вместо того чтобы идти вправо, мчались влево. Те, кто был поближе к ней, слышали ее распоряжения, неслись вправо.

— Ай, ай! Тону! — тут же раздались вопли, и несколько болотных жителей скрылись в вязкой топи.

Владычица болот не смогла им помочь.

— Сюда, за мной! — снова приказала она, победно взмахнула серым шарфом и рванулась по тропинке вправо.

— Влево! За мной, влево! — загудел я и швырнул вслед за собой ворох серого тополиного пуха. Болотным жителям показалось, что это мелькал шарф их владычицы, и они понеслись за мной. И опять, как в первый раз, многие попали в зеленые от ряски окна.

— Помогите! Тону! — прозвучало несколько воплей.

И снова все стихло. Топь поглотила очередную жертву. А Болотная Лихорадка продолжала метаться: то, чтоб помочь тонувшим выбраться на тропинку, то, чтоб указать короткий путь. Шарф призывно развевался над ее головой, и она продолжала кричать:

— Вперед, сюда! Тут ровная дорога!

Ангина, кутаясь в серый плащ, подпрыгивала возле владычицы и тоже повторяла хриплым голосом ее клич:

— Вперед, сюда!

Но я не думал сдаваться. Позвал на помощь эхо, и каждый мой крик: «Сюда, ко мне! Здесь тропинка! Скоро мы будем в городе!» — отдавался гулом во всех концах болота. Казалось, что командуют сотни голосов, и каждой болезни казалось, что именно туда, откуда слышался голос, зовет ее болотная царица.

Болотные жители метались, слушая мою команду, и

вскоре возле царицы осталось всего несколько болезней и, конечно, среди них — хриплая Ангина. Они остановились, прислушались и, уловив эхо моей команды, догадались, что их обманывают, что с ними борются люди. Правда, я не человек, но я горжусь, что меня назвали человеком.

Когда поняла Болотная Лихорадка свою ошибку, она кинулась обратно, достала солнце (я не успел даже рассмотреть откуда), подняла его над головой и бросилась сюда. Она сейчас здесь будет. Что делать?

ПОДВИГ РЕЧКИ

Не успел Воздух Сосновый Чистый Здоровый закончить рассказ, как Болотная Лихорадка, о которой только что говорил наш невидимый друг, возникла на повороте тропы. Рядом с ней стояла Ангина, которую я уже теперь хорошо запомнил, и еще несколько болезней. В руках у Болотной Лихорадки не было шарфа, о котором упоминал в своем рассказе Воздух Сосновый Чистый Здоровый, а звездочкой горело солнце.

— Ха-ха-ха! — захохотала она. — Сейчас я напущу на вас болезни.

— Как бы не так, — показал я кукиш. — Не боюсь я твоих болезней. Я тряпичная кукла.

Речка дернула меня за рукав:

— Тебе не страшно. А Кудряш? Он же заболит.

Я тоже сообразил, что Кудряш человек, крикнул ему:

— Беги скорее отсюда. Мы без тебя справимся.

Но Кудряш вдруг заупряился. Солнце, сиявшее в руках у Болотной Лихорадки, вмиг излечило его от нерешительности и безразличия. Глаза его заблестели, на щеках появился румянец, и он твердо сказал:

— Не побегу. Бороться с болезнями — так вместе.

— Бегите, бегите! Я здесь и один одолею болотную царицу, — прогудел Воздух Сосновый Чистый Здоровый.

Я схватил Кудряша за одну руку, Речка подхватила за другую.

— Не убежите! — прогремело за моей спиной. — Сейчас я вас догоню. Все погибнете.

Мы бежали быстро. Мелькали по сторонам тропинки маленькие сосенки, расступались колючие кусты шиповника. Открылся перед нами широкий пойменный луг с ярко-зеленой травой, которая мягко пружинила под ногами. Пересекли его, спустились в овраг, выбрались на другой его склон и увидели три росших рядом коренастых дуба. Их глянцевитые листья образовали сплошной плотный шатер, и мы решили попробовать укрыться от погони. Я кошкой взметнулся на дерево, протянул руку Речке, и она тоже подпрыгнула. Кудряш посадил ее снизу, и девушка устроилась недалеко от меня на толстом суку. Кудряш забрался следом за ней и сел рядом с девушкой. Мы все втроем, прижавшись к стволу дуба, скрылись в густой листве. Несмотря на опасное положение, лица Речки и Кудряша озарились счастьем — светило солнце, и от темной болезни не осталось и следа.

— Я самый счастливый человек на земле, — говорил Кудряш. — Ты рядом со мной, и больше мне ничего на свете не нужно.

— Я тоже счастлива, — ответила Речка Кудряшу. — Я пойду за тобой, хоть на край света. Я и дня без тебя не проживу...

Я с тревогой наблюдал, как возвращаются назад пробежавшие было мимо нас болезни. Видимо, они сообразили, что мы перехитрили их, спрятались.

— Я жизни не пожалею для твоего счастья, — продолжала Речка и даже голову свою склонила Кудряшу на плечо.

— Хи-хи-хи! — не удержался от насмешки Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — Жизнью своей распоряжается. Отдала бы, не отдала бы... Какое легкомыслие! Сколько лет на свете живу, и жизнь отдавать ни за кого не собираюсь, и умирать ни за кого не собираюсь. Как ты думаешь: неужели это бывает, Петрушка?

Я ничего не ответил, но мне тоже показались странными слова Речки — не предполагал, что они сбудутся.

Болотная Лихорадка все-таки отыскала наши следы и направилась прямо к дубу, на котором мы сидели. Солнце в ее руках горело ярко-красным светом.

— Я вас сожгу! — еще издали закричала она.

Нас как ветром сдуло с ветвей дуба.

— Бегите! Бегите! — гудел Воздух Сосновый Чистый Здоровый. Мы бежали, что было сил от солнца, которое теперь для нас стало опасным. Оглянувшись, я увидел, как Болотная Лихорадка, чуть нагнувшись вперед и вытянув вперед руку, прыжками неслась по дороге. Ангина, нелепо махая руками, бежала рядом. Поток воздуха так стремительно ударил навстречу бежавшим болезням, что наклонил в ту сторону и крепкие березки, и тонкие осинки. Это наш невидимый друг Воздух Сосновый Чистый Здоровый охлаждал солнце. Но увы! От стуженных струй, бьющих ему навстречу, оно вспыхнуло, и мы сразу почувствовали, как наши затылки, шеи, спины обдало жаром.

— Пстой, не дуй! — закричал я Воздуху Сосновому Чистому Здоровому. — От этого солнце еще сильнее разгорается. — Но Воздух Сосновый Чистый Здоровый в треске ветвей меня не расслышал.

Мы летели вперед, спасаясь от палящего жара. Кудряш сбросил с себя куртку. Я скинул колпак. Мы задыхались от жары. Пот катился градом...

— Ага! Попались! — слышались вопли болезней.

— Я не могу больше бежать, — остановился Кудряш.

Мои тряпичные ноги не устали. Я готов был бежать хоть целую вечность, но от палящего жара мне казалось, что мое тряпичное тело вот-вот вспыхнет, как факел. Я тоже остановился.

— Догнали! Сейчас сгорите, — обрушился на нас торжествующий рев болезней.

— Я спасу вас. Отойдите, — оттолкнула нас в сторону Речка и рванулась наперерез болезням.

— погоди, Речка. Ты куда? Мы пойдем вместе! — вскрикнул Кудряш, но Речка уже взмахнула руками — и тотчас широкой голубой лентой вода пролегла между нами и болезнями. На одном берегу стояли мы, на другом бесновалась с солнцем в руках болотная царица.

— Я все равно вас сожгу! — взвизгнула она и ринулась прямо в воду. Вскипела Речка волнами, вздыби-

лась, и болотная царица утонула в волнах вместе с солнцем. Высокая, быстрая волна набежала на противоположный берег и поглотила всех остальных болезней.

— Прощай, Кудряш! Прощай, дядюшка, и ты, Петрушка, прощай! — будто стон, донесся серебристый голос Речки.

А вода вокруг солнца все бурлила, бурлила, все выше поднимался столб белого пара, и все меньше оставалось чистой, прозрачной, как слеза, воды. И вот настал момент, когда солнце, как будто умывшись последними каплями воды, тихо поднялось вверх и поплыло по ясному чистому небу. А там, где только что клокотала наша славная Речка, блестел золотой песок и два голубых камушка.

— Речка, милая Речка, что я буду делать без тебя! — воскликнул Кудряш и упал лицом вниз на то место, где только что голубела прозрачная вода и где сейчас лежали два камушка. Плечи его мелко дрожали, а руки ежи-

мали те два голубых камушка, которые только и остались от нашей голубоглазой красавицы Речки. Мне тоже сильно защипало глаза, и в рот попала соленая капля. Я даже не заметил, что горько плакал. Так жаль мне было Речку, которая спасла нас ценой своей жизни.

— Так, значит, это правда, что жизнь не жаль отдать, чтоб жил тот, кого ты любишь, — проговорил возле меня наш друг Воздух Сосновый Чистый Здоровый. — О горе, мое горе. Больше всех на свете любил я свою племянницу, свою шаловливую быструю Речку, и вот теперь ее нет. — И на плечи мне, и на голову упали теплые крупные капли. Я так и не понял: то ли заплакал Воздух Сосновый Чистый Здоровый, то ли пары воды, поднявшись вверх после того, как испарилась Речка, собрались в густую тучу и пролились на землю теплым живительным дождем.

ВОР-МОШЕННИК

И тут мы услышали гул людских голосов. С пригорка прямо в низину, где мы стояли, спускались дружные шеренги горожан. Я увидел и Главного Врача, и строителя Катущку, и огородника Стручка с братом.

Но самым первым ко мне подбежал, конечно, Ежик.

— Прости, Петрушка! Мы так торопились и все-таки опоздали. А ты прямо герой.

— Не горюй, что опоздали, — утешил я Ежика. — Зато посмотри, как солнышко ярко сияет на небе. И герой не я, это Речка спасла нас, а сама погибла.

И в это время к нам подошел Главный Врач.

— Спасибо, друзья, — сказал он мне и Кудряшу. — Мы никогда не забудем ваш подвиг. Нам всем так стыдно, что мы не могли вам помочь в этой борьбе. Зато теперь мы все пойдем осушать болото.

И вот все вместе мы отправились на болото. И Катущка, и Стручок с братом, и знакомый жестянщик, и рыбак работали с таким рвением, как будто старались наверстать все то, что не сделано ими за то время, когда не было на небе солнца, когда они любую работу выполняли формально.

Мы с Ежиком тоже старались изо всех сил. Мой со-
скучившийся товарищ не умолкал ни на минуту.

— А где мясник Туктук? Что он делает? — спросил я.

— Наверное, испугался болезней и убежал. А то бы
шел вместе со всеми. Он теперь и болезней боится, и жите-
лей города, — ответил Ежик.

Вечером, как только кончили мы работать на боло-
те, я пошел узнать, что же случилось с мясником.

Воздух Сосновый Чистый Здоровый после гибели
Речки очень привязался ко мне и, наверное, поэтому
сразу же согласился лететь со мной.

Я подошел к дому мясника. Все окна его были тем-
ными, и лишь в одном, в том самом, где еще недавно жи-
ла Речка, мерцала лампа и плясали тени на стенах.

Я осторожно заглянул в окно и увидел, что мясник
стоит около кровати и вот-вот уляжется спать. Я слегка
стукнул в окно пальцем. Мясник оглянулся. Я присло-
нил свое лицо к окну, широко раскрыл рот и высунул
язык. Вероятно, вид моего расплущенного лица был
страшен, потому что Туктук испуганно вздрогнул и, не
глядя, нырнул в кровать, закрылся одеялом.

— Ага, не понравилось, — злорадно прошептал я. —
Подожди. То ли еще будет. — Я спрятался за наличник.

Мясник некоторое время лежал, накрывшись с го-
ловой одеялом, потом медленно стал стягивать его с ли-
ца. Я не показывался. Туктук осмелел. Высунул из-под
одеяла голову, поднял ее, как змея на стойке, и устави-
лся в окно. И как раз в этот момент в освещенном квадра-
те снова возникла моя физиономия, и я показал мясни-
ку кулак.

— Чур меня! Чур! — запричитал он и снова нырнул
под одеяло.

Я, может быть, всю ночь продолжал бы с мясником
эту игру, но в лампе, по-видимому, мало было керосина,
она погасла, и мне не стало видно, что делается в комнате.

На другой день утром мясник вышел из дома с вос-
паленными глазами и затравленной улыбкой. Он шел и
поминутно озибался по сторонам. Заглядывал за углы
домов, и почти из-за каждого угла я высовывал свою

голову; то дразнил его высунутым языком, то показывал кукиш или грозил кулаком. Мясник втягивал голову в плечи и ускорял шаги.

Я провожал мясника до самой больницы. И даже когда он вошел в нее, я продолжал следить. А дальше было вот что. Мясник вошел в кабинет Главного Врача. Там испуганно огляделся.

— Что с вами? На вас лица нет. — Главный Врач взял пенсне, которое лежало перед ним на столе, и поправил докторскую шапочку на голове. Ему, видно, не хотелось разговаривать с мясником: таким недовольным было лицо у Главного Врача.

— Я заболел. Плохо мне, — начал мясник.

— Разденьтесь, — предложил Главный Врач.

Мясник с готовностью стянул рубашку. Главный Врач выслушал его, потер подбородок.

— У вас завидное здоровье. Напрасно жалуетесь.

— Что вы, доктор? — Туктук размахнулся и стукнул кулаком по своей богатырской груди. — У меня вот здесь что-то неладно. — И показал пальцем на лоб.

— Не отнимайте у меня время! — возмущенно ответил Главный Врач. — Меня ждут настоящие больные.

Он хотел было выйти из кабинета, но Туктук вскочил со стула и закричал:

— Я тоже настоящий. Мне чудится все. Поверьте, чудится. — Главный Врач снова вернулся к столу. Туктук опять огляделся по сторонам, потом сунул нос под стол, посмотрел в окно и опять увидел мою физиономию.

— Вон он! Вон!

— Кто? — поднял голову врач, посмотрел в окно и никого не увидел. Я уже успел присесть к земле.

— Петрушка... Разве вы не видели? Только что был.

— Откуда Петрушка? Ты же его погубил, — гневно сказал Главный Врач, хотя знал, что я жив.

— Туда ему и дорога. Он все мои долговые расписки порвал, — вскипел Туктук. — Вот и приказал я его в море бросить да камень привязать к ногам. Утонул давно, а сам мне везде чудится. Вчера целую ночь под окном стоял. Сегодня из-за каждого угла высывался.

— Это совесть твоя тебя мучает. Погубил мальчишку, — с ожесточением произнес Главный Врач. Видно, ему давно хотелось вывести мясника из кабинета, но он не решался это сделать: больной все-таки.

— Нет у меня совести и никогда не было!

— Значит, появилась. Пусть тебя помучает. Может, добрее будешь, — сказал Главный Врач и поднялся, показывая, что разговор окончен и мяснику пора уходить. Но тот уходить не собирался.

— Это еще не все. Мне еще голоса чудятся.

— Какие голоса? — сморщился Главный Врач.

— Не знаю какие, — мясник печально покачал головой. — То за печкой, то за шкафом, то под кроватью...

— Не может этого быть! — возмутился наконец Главный Врач. — Иди!

— Подождите. Я правду говорю. — Мясник, нагнув к нему голову, прошептал: — Говорит: «Мясник Туктук — вор и мошенник».

— Если ты ничего не украл, нечего тебе этого бояться, — отрезал доктор.

— То-то и оно, что украл. Солнце украл у Петрушки, потом Ангине отдал. — Крупные капли пота выступили на лбу мясника. Я видел, как он рукавом вытер лоб.

— Вон отсюда! Ты действительно вор и мошенник, — закричал Главный Врач на мясника.

Главный Врач выскочил из кабинета, хлопнул дверью. Туктук ничего не оставалось делать, как тоже выйти из больницы. И до самого дома я дразнился, а Воздух Сосновый Чистый Здоровый шептал ему на ухо:

— Мясник Туктук — вор и мошенник.

Так продолжалось несколько дней. Мясник похудел, побледнел, не мог спать. Однажды ему почудилось, что вором и мошенником назвал его строитель Катужка, который проходил мимо. Ни слова не говоря, набросился он на Катужку и повалил его на землю.

Я, правда, не видел эту сцену, но Воздух Сосновый Чистый Здоровый рассказал, как два городских силача вцепились друг в друга и катались по земле. Катужке с трудом удалось связать мясника и доставить в больницу.

— Совсем свихнулся человек. Ни с того ни с сего на меня напал.

Главный Врач посмотрел в бегающие глаза мясника и согласился:

— Действительно. Больной человек. Все-таки замучила его совесть.

Главный Врач, конечно, не знал, что это не совесть замучила мясника, а мы с Воздухом Сосновым Чистым Здоровым отплатили мяснику за все его зло.

НОВЫЙ ХУДОЖНИК

Я жил теперь вместе с Кудряшом в его доме. Часто прилетал к нам и Воздух Сосновый Чистый Здоровый. Но как мы с ним ни старались развеселить Кудряша — это не удавалось. Целыми днями Кудряш сидел где-нибудь в углу комнаты и укорял себя за то, что так невнимателен был к Речке. Потом меньше стал говорить о любви, но зато брал в руки кисточки и рисовал что-то на листах бумаги. А когда мы подходили, он закрывал свою работу.

Бежали дни, и все чаще и чаще к Кудряшу стали приходить любители книг. Сначала он не разговаривал с ними, и они уходили, пожав плечами. Вместо них приходили другие. Появился среди них парень, чем-то похожий на Кудряша. Неожиданно для нас Кудряш предложил ему книгу. Парень раскрыл ее, заулыбался, сказал «спасибо» и отошел. И следом за ним пришло еще двое парней, и снова Кудряш предложил им книги.

«Интересно. Что там такое?» — подумал я, и мне захотелось в одну из них заглянуть. Открыл я ее, когда Кудряша не было в комнате, и ахнул. Со страницы книги с печальной улыбкой смотрела на меня прекрасная Речка. Это были ее голубые глаза, длинные ресницы, ее русая коса, закинутаая за плечо.

Я перелистал несколько страниц и увидел, что красавица Речка не только как девушка изображена... Бежала на странице голубая речка, то скрываясь в лесных зарослях, то выбегая на заливные луга. И на каждой

картине речка была другой, но каждый раз привлекательной и нежной.

Теперь книги с пустыми страницами никто не брал. Кудряш, вспоминая Речку, рисовал золотой плес, глубокие голубые заливы, темные омуты и качающиеся шапки камыша. Любовь сделала его настоящим художником.

Ребятишки приходили к нему веселой стаей. У каждого были свои интересы.

— Мой папа будет сеять в поле гречиху. Нарисуй, какая она вырастет, — просил мальчишка.

И Кудряш рисовал залитое бело-розовым светом гречишное поле.

— А мне мама даст в огороде свою грядку. Что мне посадить? — говорила девочка, подняв на Кудряша серые мечтательные глазенки.

— А ты посади большую тыкву, — советовал художник, и на странице книги появлялись крутобокие полосатые желто-зеленые тыквы.

— А у нас дома есть корова, и у нее будет маленький теленок, — объяснил мальчик, трогая забавный вихор на затылке.

— Вот какой будет теленок. — И бежал по книжной странице веселый тонконогий теленок, а на него задумчивыми влажными глазами любовалась рогатая корова.

Так нашел Кудряш себе новое дело. Только по-прежнему грустил, вспоминая Речку.

ПРОЩАЙ, ГОРОД

Настали мои последние дни в этом городе. Болота, которые окружали его, скоро были полностью осушены, засеяны рожью и пшеницей, льном и коноплей, сочным розовым клевером и шелковистым овсом...

Не стало болезней вокруг города, но они иногда оживают там, где сыро, грязно, где мало солнца и чистого воздуха.

Но я был горд тем, что люди не болеют темной болезнью.

Если врач лечит больного, то заботится о нем так же,

как заботился бы о самом себе. Если повар кормит посетителя, то старается ему так же вкусно приготовить, как это сделал бы для себя. Портные шьют только красивые платья. Сапожники тачают самые удобные, самые прочные сапоги, ботинки и туфли.

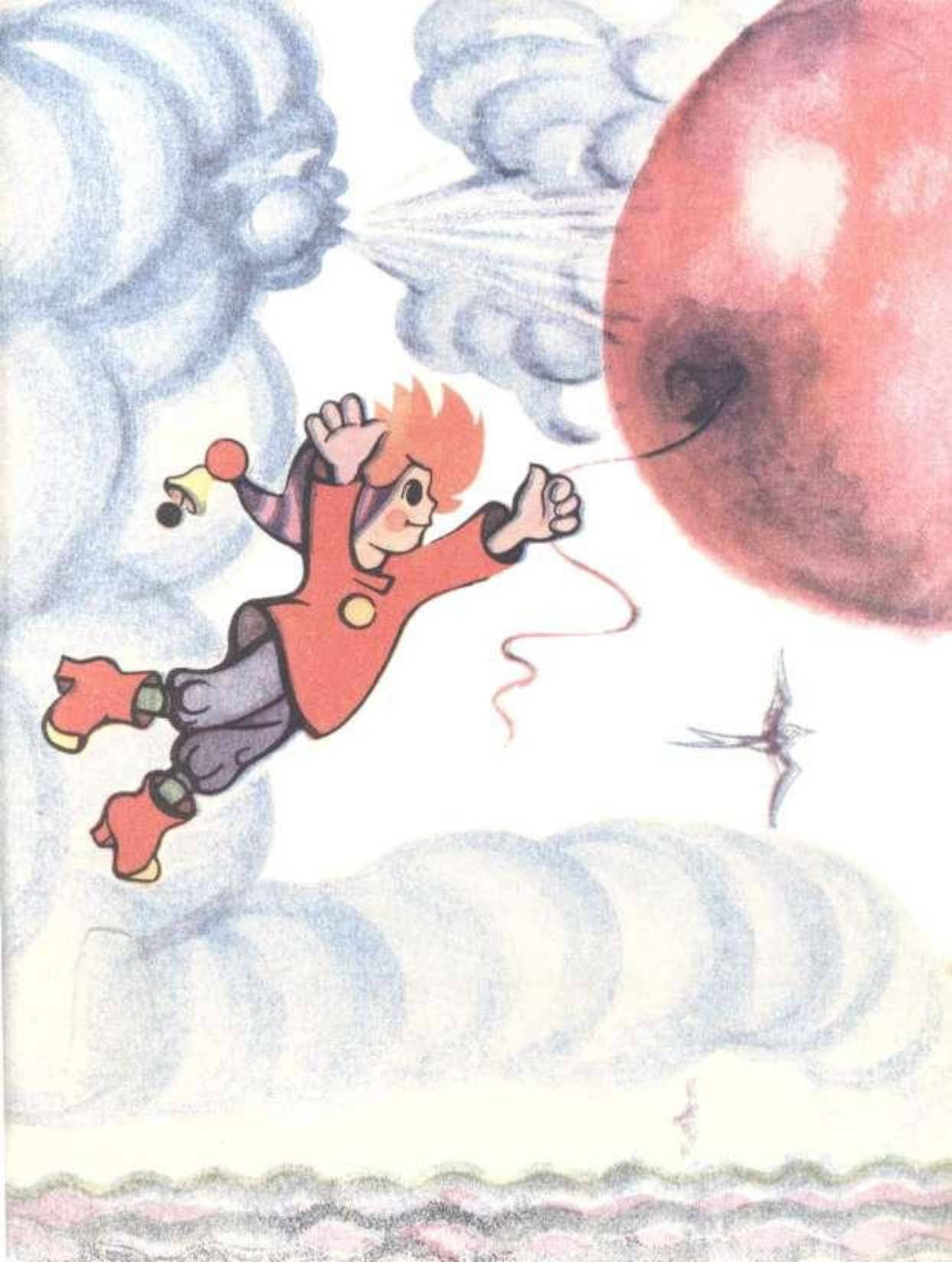
А мальчишки и девчонки стараются запомнить каждое правило по арифметике не для оценки, а для себя, для того, чтобы знать.

Я смотрел на все это и радовался. А потом... потом сел на воздушный шар, который построили для меня жители города.

Воздух Сосновый Чистый Здоровый вздохнул, загудел и понес меня к берегам родной земли.

Прощай, город! Прощайте, друзья, с которыми я вместе пережил такие необыкновенные приключения.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В трюме	3	Ночные грабители	57
Мороженое	7	В жилище Кротики	60
Санитарная армия	10	Солнце на свободе	64
Мухи и птицы	13	Воздух Сосновый Чис-	
На рогах быка	18	тый Здоровый расска-	
Исчезло солнце	22	зывает о городе	68
Новая болезнь	24	Мясник Туктук	74
Пельмени без пельменей	26	Речка в плену	81
Усыновил	28	Снова Ангина	87
Десять солнц	31	Бумажная постель	93
У овощевода Стручка	35	Поход	95
Жемчуг	37	Подвиг Речки	99
Речка, Воздух Сосновый		Вор-мошенник	104
Чистый Здоровый	41	Новый художник	108
На болоте	47	Прощай, город	109
Дворец Болотной Лихо-			
радки	53		

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

**Маргарита Андреевна Фадеева
Анатолий Иванович Смирнов**

И СОЛНЦЕ СНОВА В НЕБЕ

Повесть-сказка

Рисунки **И. Михайлина, О. Михайлиной**

Редактор *А. Ф. Смоликов*. Художественный редактор *Р. Е. Янгильдин*.
Технический редактор *Е. М. Данилова*. Корректор *Э. Я. Балдит*.

ИБ № 306

Сдано в набор 2 августа 1978 г. Подписано к печати 6 декабря 1978 г. Формат 70х90/...
Физ. печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 8,19. Учетно-изд. л. 6,06. Тираж 23000. Заказ № 3810 (70). Бу-
мага офсет. № 1. Цена 60 коп.

Марийское книжное издательство, 424000, г. Йошкар-Ола, ул. Карла Маркса, 43.
Марийская республиканская типография. 424700, г. Пошкар-Ола, ул. Комсомольская. 112.

